

НИКОЛАЙ

ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ЗАПРЕДЕЛЬНОЕ
УДОВОЛЬСТВИЕ

Полковник Гуров

Николай Леонов

**Запредельное
удовольствие (сборник)**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Запредельное удовольствие (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2015 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-83187-6

Бесследно исчез бизнесмен Роман Любимов. Говорят, он улетел в отпуск в Доминикану. Но уже вышли все сроки, а он так и не появился на работе. Отыскать пропавшего бизнесмена поручено знаменитым сыщикам Льву Гурову и Станиславу Крячко. Спустя некоторое время поступила информация от судмедэксперта: в морг привезли труп замерзшего бомжа. Однако, несмотря на рваную одежду, труп источал запах дорого парфюма. Но самое странное – организм был крайне истощен, как будто мужчину держали в плену без еды и питья, а некогда ухоженное тело было покрыто следами пыток. Сомнения, что это и есть пропавший Любимов, быстро развеялись, но загадок от этого не убавилось. Оказалось, что незадолго до исчезновения Роман воспользовался модным сервисом для vip-персон «Экстремальный отдых». Стас Крячко пошел по следам умершего бизнесмена и угодил в такой экстрим, что ему пришлось всерьез распрощаться с жизнью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83187-6

© Леонов Н. И., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Запредельное удовольствие	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	38
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николай Леонов, Алексей Макеев

Запредельное удовольствие (сборник)

© Леонова О. М., 2015

© Макеев А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Запредельное удовольствие

Глава 1

Память – это медная доска, покрытая буквами, которые время незаметно сглаживает, если порой не возобновлять их резцом. Ну, это афоризм, конечно. Красивые слова. А на самом деле память – удивительное свойство. Пряча где-то в самых потайных уголках души разные вещицы, о которых разум и думать забыл, она вдруг, словно подточенная резцом подсознания, в самый неожиданный момент достает их, разворачивает обертку и выкладывает перед тобой как есть – дескать, держи, это твое. Это было, хочешь ты того или нет, и это по-прежнему с тобой.

Бывает, что ты радуешься этим воспоминаниям – надо же, оказывается, это было, а я и думать перестал! Бывает и наоборот: какой-то неприятный факт, который ты изо всех сил пытался забыть, втиснуть подальше в глубины подсознания, вдруг всплывает так явственно, что становится очевидно: это тоже было и есть с тобой по-прежнему и никуда тебе от этого не деться.

Вот и у сыщиков Льва Гурова и Станислава Крячко на почве скуки разыгрались воспоминания.

Дело было в конце февраля, когда вроде бы до весны остались считанные дни, а может быть, и часы – смотря кто какими категориями привык мерить время. Но эти часы еще нужно было прожить. А пока за окном висел сизый сумрак, стояли последние морозы, ветер бушевал с такой силой, словно зима напоследок выплескивала всю ярость от неизбежности своего ухода, клубилась по земле поземка, хлопали ветви деревьев, и солнце, еще вчера светившее обманчиво ярко, предвещая скорый март, сегодня спряталось от греха подальше и не высывалось из-за сурово нависших неприветливых туч.

Но в кабинете, занимаемом Гуровым и Крячко, было тепло и уютно. Станислав Крячко, всю зиму жаловавшийся на холод, притащил наконец позаимствованный у тестя обогреватель и теперь, не жалея ни его, ни казенного электричества, врубал его ежедневно и, придвинув к своему столу, блаженствовал, откинувшись в кресле и вытянув к теплу ноги.

Этот период совпал с периодом затишья в делах: серьезные преступления были раскрыты, материалы подшиты, доведены до ума и переданы в суд, новых убийств и грабежей, «достойных» уровня двух полковников, оперов-«важняков», слава богу, не случилось, и сыщики могли позволить себе расслабиться и просто поболтать друг с другом.

– А помнишь, как мы на речку поехали отдыхать с женами, а они заблудились? – развалившись в кресле, вспоминал Станислав. – Шибко ты тогда перепугался!

– А ты будто не перепугался? Бегал и ныл, что «дикие звери-убийцы» загрызут, или в капкан попадут, или лесник их пристрелит! – улыбнулся Гуров.

– Да не такое в голову взбредет, когда жена пропала...

– А сам жалуешься постоянно: достала, запилила, уеду на дачу, в отделе жить буду, диван в кабинете поставлю! – посмеиваясь, напомнил Лев. – «А они там пусть как хотят выкручиваются!»

– Так это ж совсем другое! – не смутился Крячко. – Я же знаю, что она, Наташка моя, жива и здорова. Ей, кстати, на пользу пойдет на время одной покуковать и подумать! А то замучила совсем: «Вечно ты на работе, дома тебя не бывает!» А стоит пораньше прийти – начинается: «То не купил, это не принес, про это забыл!» Ну и как тут домой торопиться? Чего я там не слышал? Вот на днях решил ее порадовать, нарочно пораньше с работы срулил, заранее предупредил, прихожу – надутая стоит! Говорю – чего такое? А она мне: «Мы должны

были к родителям в гости идти, а ты опоздал!» Оказывается, я должен был прийти в пять, а пришел в полвосьмого. Хотя я специально на рынок заехал, чтобы свечи новые для мотора купить.

– Два часа свечи покупал? – удивился Лев.

– Ну, заболтался немного с мужиками... – признался Станислав. – Что такого? Она с тещей вон по телефону тоже часами треплется, пока та все болячки не перечислит! И еще в гости к ним идти, по новой языками чесать! Тьфу!

– Да уж, пришел, называется, пораньше домой! Надо было ей хотя бы цветов купить, тогда бы она поняла. А ты – свечи!

– Цветы на авторынке не продают! – буркнул Крячко. – И вообще это пустая трата денег. Она бы меня потом за это запилила – мол, тратишь на всякую ерунду, лучше бы сумку новую мне купил.

– Ну и купил бы сумку!

– А она потом скажет – не такую купил! Я ж говорю, это характер такой, что ни сделай – все не так! – обреченно махнул рукой Стас.

Вообще-то Крячко, несмотря на то что периодически жаловался на жену и взрослых уже детей, слыл примерным семьянином. Брак его считался (и был в действительности) одним из самых крепких среди сотрудников Главка. Как поженились с Натальей в молодости, так и жили по сей день, без особых потрясений. И, на взгляд Гурова, вполне подходили друг другу, так как Станислав тоже обладал своими особенностями характера, которые не переделать. Например, любил иногда поворчать по пустякам, при этом совершенно не злясь, и вообще отличался вполне миролюбивым и жизнерадостным нравом. И жалобы на жену были несерьезными – так просто, чтобы создать видимость проблем.

– Скучно тебе, Станислав, – сделал вывод Гуров. – Все у вас с Наташкой хорошо, вот ты и придумываешь проблемы на ровном месте.

– Ничего себе, на ровном! – тут же возмутился Крячко. – А вот на прошлой неделе...

Но Гуров, не желая углубляться в надуманные обиды лучшего друга, быстро спросил:

– А помнишь, как ты на матрас надувной лег и уснул?

– Да не напоминай даже, у меня от этих воспоминаний спина начинает зудеть! Никогда в жизни так не обгорал, – тут же отозвался Станислав.

– Зато весело было.

– Ха! Утешил, друг, спасибо! Весело! Кому как! Тебе, может, и было, а мне – совсем наоборот! Вот всегда я, Лева, знал, что ты злыдень!

Сыщики помирали от скуки. Никаких интересных дел их уровня не было, ничего интересного не происходило, кроссворды все были разгаданы Станиславом Крячко, а за окном стоял такой дубняк, что выходить на какие-либо прогулки или посещать заведения развлекательного характера и не хотелось. Крячко, вальяжно развалившись в мягком кресле, потягивал уже третью чашку английского чая, принесенного Гуровым. Гуров же сидел на своем любимом классическом табурете. Он вообще предпочитал жесткие сиденья, иногда даже без спинок. А вот Стас любил понежить себя в гигантских креслах с обивкой и регулируемой спинкой.

– О чем думаешь, Лев Иванович? – спросил он, наблюдая, как Гуров, глядя в потолок, о чем-то размышляет.

– Да вот историю вспомнил интересную. Помнишь, лет пятнадцать назад к нам в отдел парнишка пришел? Тоже Стасиком вроде звали.

– Что-то не припоминаю.

– Ну, невысокий такой брюнет. Уши у него в разные стороны торчали, забавный парень, но шустрый. Перевели его через два года в другой отдел.

– А, это тот, с родинкой на щеке?

– Так я вот какую историю вспомнил. Он когда к нам пришел, еще совсем молодой был, зеленый. Направлялся как-то паренек в аэропорт, не помню уже, по службе или по своим делам каким, и вдруг приспичило ему в туалет забежать. Выходит он оттуда и видит – мужик перед ним резко что-то прячет за ремень и пиджачком прикрывает. А, он на патруле там был, точно! Так вот этот патрульный осмотрел мужика: весь в наколках, лысый, часы золотые, кейсик в руке. На вид – типичный бандюга. Ну и давай он его разматывать, мол, документы покажите. Мужик в отказ пошел, документы в сумке остались. Тогда он у мужика спрашивает, что за поясом спрятал? А тот «быка включает», мол, ничего не прятал. Патрульный наш решил основательно до него докопаться, уж больно подозрительным он казался. И все бы хорошо, если бы не наивность его. Мужик плакаться ему начал, мол, жена из дома выгнала, а в кейсе только часы да мелочь всякая. Поверил ему парень и отпустил, даже не проверив. А знаешь, что потом оказалось? Это один из главных местных авторитетов был. В один вечер с катушек слетел, жену пристрелил, своих деловых партнеров и решил из города свалить по-быстрому. Так и не нашли его.

– Да уж, вот как бывает. Везение, не больше. Тоже одну историю мне рассказывали, еще когда только в школу милиции пришел. Был паренек один, роман закрутил с какой-то дамочкой постарше. Сидел он у нее дома, а тут «братки» вваливают. Ну, он в шкаф лезет, думает, вдруг не заметят? Но не тут-то было, муж ее, как оказалось, пришел домой. Увидел мужскую обувь, распахнулся, начал по дому носиться и любовника искать. И не один ведь был, а с «братвой». Парень думает, все – приплыл, с жизнью уже попрощался и вдруг случайно залез в карман куртки, а там – «макаров». И обойма полная. Осмотрел – боевой. На предохранитель поставил, выбежал из «засады», ствол направил на «братков» и давай им задвигать, что убьет и все такое. Один за оружием полез, пулю в ногу получил. Испугался не на шутку, конечно, но виду не подал. В общем, ушел он оттуда живой и невредимый, вместе с женой того авторитета, и из города свалил.

– Не верю я в такие истории.

– Да чистая правда! Знаешь, как парня того прозвали – «кладоискатель»!

– Стас, завязывай!

Стас расстроился от того, что Лев не поверил ему. Ведь ему рассказывали эту историю не случайные прохожие, а его друзья на тот момент. Поэтому он решил больше не разговаривать с Гуровым, а пить его чай в гордом одиночестве.

Дверь в кабинет неожиданно открылась, и вошел начальник Главного управления МВД генерал-лейтенант Орлов.

– Здравия желаю, товарищ генерал! – бравым голосом гаркнул Крячко.

– И вам здарсьте. Скучаете? – покосился Орлов на сдвинутые стул и кресло, а также на чайные чашки на столе.

– Да вот пока перерывчик в делах, решили чайку хлебнуть по-быстрому, – невинно ответил Крячко.

Но генерал-лейтенанту было прекрасно известно о положении дел в Главке, и он произнес:

– Пойдем тогда в мой кабинет.

Сыщики переглянулись. Они понимали, что ничем хорошим это не кончится – скорее всего, Орлов сейчас подкинет им что-нибудь не слишком приятное, прервав их столь милое времяпрепровождение, но долг, что называется, зовет, и сыщики последовали за начальником.

Когда они прошли в кабинет Орлова, тот посадил их за стол и предложил чаю.

– Товарищ генерал-лейтенант, давай ближе к делу, а то я от чая уже пять раз в туалет бегал, – хмыкнул Крячко.

Орлов, несмотря на то что сам позвал своих «любимчиков», что-то мялся, никак не решаясь начать. Он вздохнул пару раз, поправил очки и наконец произнес:

- В общем, дело есть для вас.
- Да неужели? – съязвил Гуров.
- Человек пропал, – продолжал Орлов, бросая на Льва многозначительный взгляд.
- Это мы поняли, – кивнул тот. – А дальше?
- И какое отношение это имеет к нашей, так сказать, конторе? – подхватил Крячко.

Две пары насмешливых глаз впились в Орлова. Ох, как хорошо знал он и эти взгляды, и саму «пару», от которой ничего хорошего в таких случаях не жди! Язвы, а не пара! Уже поняли, вычислили безошибочно своей интуицией, что Орлов находится в затруднительном положении, что обращается к ним за помощью, и сейчас рады будут стараться язвить на все лады, попрекая его, старика, на чем свет стоит! Нет чтобы сразу все понять и поддержать его: «Конечно, дорогой Петр Николаевич, мы готовы оказать вам всяческую помощь!» Или хотя бы без всяких этих церемоний, ничего не комментируя, синхронно сказать: «Слушаюсь, товарищ генерал-лейтенант!» Нет, молчат, подлецы, переглядываются насмешливо!

Орлов еще раз вздохнул, поджал губы и сухо произнес:

- Нужно провести расследование.

Крячко длинно присвистнул, а Гуров спросил:

- С каких это пор, Петр, мы проводим расследование по потеряшкам?
- И почему именно мы? – добавил Стас. – Чай, не юнцы, не стажеры...

– Если бы вы были стажерами, я бы вас на рынок патрулировать отправил! – прикрикнул Орлов, твердо решив не отдавать себя на съедение этим двум «монстрам московского сыска», как порой шутливо именовали полковников в отделе. – Особенно тебя, Крячко, чтобы ты за карманниками побегал на своих двоих, жир немного растряс! А то тебе скоро новое кресло придется заказывать – в прежнем не помещаешься! Я смотрю, вы от скуки совсем уже оборзели! Ишь, взяли моду – дела выбирать! Вы не в магазине и не в ресторане! Что начальство поручит – то и будете делать! Важняки, мать вашу! Забыли уже, когда задницу от стула отрывали!

В кабинете повисла тишина. Гуров и Крячко давно не помнили Орлова в таком состоянии. Обычно он был куда сдержаннее, поскольку провел вместе с обоими полковниками множество дел, вместе пережил трудные, даже смертельно опасные ситуации, дружил с ними искренне и всегда относился к ним лояльно, чем они порой пользовались. Да что там – откровенно и без зазрения совести вили из генерал-лейтенанта веревки, считая, что их полковничьи погоны, огромный опыт оперативной работы и дружба с ним позволяют им решать, за какое дело взяться, а какое переложить на кого-нибудь другого.

Но Орлов не был бы генерал-лейтенантом, а уж тем более руководителем Главного управления МВД, если бы постоянно проявлял бесхребетность. На самом деле Петр Николаевич мог быть очень жестким, просто он хорошо знал своих подопечных, ценил их заслуги, поэтому иногда делал им некоторые поблажки. Но стоило Гурову и Крячко немного забыть, начать переходить грань и нарушать субординацию, он мгновенно ставил их на место, невзирая ни на какие дружеские отношения.

Гуров и Крячко после тирады генерал-лейтенанта сразу притихли, подтянулись, а Крячко даже как-то съезжился в кресле, изобразил заискивающую улыбку и сказал:

- Да ладно, Петр, мы же шутим! Мы ж все понимаем! Что там...
- Слушаем, товарищ генерал-лейтенант, – перебив его, проговорил Лев.

Орлов с каменным выражением лица заглянул в лежавший перед ним листок с рукописным текстом и стал зачитывать вслух:

«Десятого февраля сего года гражданин Любимов Роман Витальевич отбыл из России в республику Доминикана по туристической путевке, собираясь вернуться через десять дней, то есть двадцатого февраля. Двадцатого февраля гражданин Любимов не вернулся, а его сотовый телефон не отвечал. В собственной квартире его нет, на работе он не появлялся. В насто-

ящий момент, двадцать пятого февраля, местонахождение гражданина Любимова остается неизвестным».

Генерал отодвинул листок и замолчал. Сыщики тоже молчали. Наконец Крячко решился подать голос:

– И что, это все?

Орлов молча кивнул.

– А другие подробности?

– А остальные подробности предстоит выяснить вам. Вы же сыщики!

Крячко бросил растерянный взгляд на Гурова. Тот чуть нахмурился и спросил:

– А откуда вообще стало известно о том, что он пропал? Ты же нам выдержки из заявления зачитывал, как я понял. Кто обратился с заявлением?

– Или это тоже мы должны выяснить, как сыщики? – не удержался и все-таки ввернул шпильку Крячко.

– С заявлением обратился близкий друг и коллега по работе Любимова, гражданин Плисецкий Леонид Максимович, – сообщил Орлов. – Плисецкий беспокоится, потому что его друг уже давно должен был появиться, а его и след простыл. Поэтому...

– А с какой это радости Плисецкий так беспокоится? – вклинился Крячко. – В Главное управление аж приперся! Не абы куда!

– Ну а что тут необычного? Человек беспокоится за друга, переживает... – ответил Орлов.

– Ага! – скептически хмыкнул Крячко. – Переживает! Прямо ночами уснуть не может!

– К тому же они наметили один новый проект перед отъездом Любимова. Решили купить еще один объект и переоборудовать в развлекательно-спортивный центр. По возвращении Любимова должны были претворить его в жизнь, а он, видишь, исчез. А пора уже задаток внести, документы подписывать...

– Во-о-от! – назидательно протянул Крячко. – Вот это уже ближе к теме! Бабки ему нужны, этому Плисецкому, вот он и суетится! А то переживает за друга, как же!

Орлов укоризненно посмотрел на Крячко и воскликнул:

– И не стыдно тебе, Станислав? Что ты циника из себя строишь, шкурный интерес во всем видишь? А вот если бы Лева пропал или, не дай бог, я – ты бы не беспокоился?

– Ты нашу дружбу не равняй! – рубанул рукой Крячко. – Мы слевой кто? Офицеры! Понимаешь, что значит это слово? У нас и дружба соответствующая, офицерская! Да я за Леву, сам знаешь – и в огонь, и в воду, и даже на совещание к начальству пойду! И он за меня тоже! Наша дружба, она временем и офицерской честью проверена! А тут что? Два каких-то коммерсантшики! И ты их дружбу, на деньгах завязанную, будешь с офицерской равнять? Тьфу!

Крячко смачно сплюнул, но не рассчитал в сердцах, и плевок попал на свежeweымытый пол. Орлов смерил Станислава ледяным взглядом, чувствуя, что снова закипает, и, едва сдерживаясь, проговорил:

– А ну-ка, отставить немедленно! Никаких личных эмоций в моем кабинете! Это приказ, ясно? И пафос свой фальшивый, Крячко, засунь подальше! Офицерская дружба! – передразнил он. – Ишь, развел мне тут философию! И не прикрывайся мне офицерской дружбой, лишь бы от работы увильнуть! Балаган он устраивает, когда дело стоит! И молчать, когда я говорю! – И оглушительным ударом кулака о крышку стола завершил свой монолог, произнесенный в воспитательных целях. Даже Крячко стушевался: впервые на его памяти Петр Николаевич дважды во время неофициальной беседы напоминал о своей начальственной ипостаси и использовал слово «приказ». Следовательно, его и впрямь сильно допекло. Но что уж такого случилось-то? Подумаешь, разговаривали по-дружески, обычное дело... Этого Крячко никак не мог понять, поэтому заговорил уже примирительно:

– Да ты что, Петр? Я же это вовсе не к тому, чтобы от дела отлынить! Я уже, можно сказать, по нему работаю – версии выдвигаю! Ну не нравится мне, что этот Плисецкий так засуетился, и все тут! Сам посуди: ну, запоздал человек немного с приездом – что тут такого? Деньги у него есть, вполне мог и задержаться. Может, решил еще немного отдохнуть? Сколько там дней-то прошло? Три? Видишь, ерунда какая! А этот всполошился до того, что побежал в полицию! И не куда-нибудь, а напрямик на Петровку! Значит, считает, что тут имеет место серьезный криминал!

Гуров, хранивший до этого момента молчание и комментируя горячие эмоциональные высказывания Крячко лишь легкой усмешкой, обратился к Орлову:

– А в самом деле, Петр, что он за человек, этот Плисецкий? И что у них за бизнес с Любимовым?

Орлов, которого спокойный тон Гурова настроил на деловой лад, поправил очки на носу и заговорил уже гораздо мягче:

– Плисецкий и Любимов являются владельцами спортивно-развлекательного комплекса «Гармония». Там у них как бы универсальный центр, включающий и спортивные занятия, и аэробику, и фитнес, и прочие новомодные дела, помогающие поддерживать красоту тела. То есть массаж, косметический кабинет, даже, кажется, парикмахерская... И вдобавок всякие игры, кафе, чуть ли не кинотеатр. Словом, нечто грандиозное, как я понял из его слов. Начали они свой бизнес давно, еще со студенческой поры. Сначала что-то мелкое было, потом постепенно расширялись – я в подробности не вдавался, потому что неизвестно, имеет ли это отношение к исчезновению Любимова.

– Так, а что Плисецкий вообще успел рассказать о своем друге-партнере? – продолжал расспрашивать Гуров.

– Да какие-то разрозненные факты из разных областей! – пожал плечами Орлов. – Он волновался очень, сбивался с темы на тему, да и времени немного было на разговор. Сказал, что Роман человек хороший, никаких врагов у него не было, в бизнесе у них тоже все шло гладко, собирались дальше расширять свое детище, покупать дополнительное помещение, открывать еще один центр. И все было уже подготовлено, Любимов должен был поставить свои подписи на документах после возвращения и внести деньги, свою долю. А вот теперь его нет, и дело стоит.

– Вот я и говорю, – тут же снова вмешался Крячко. – Грохнул своего компаньона, чтобы весь бизнес себе отжать, и все дела! А сам быстренько в полицию прибежал – дескать, я тут не при делах!

– А вот ты это и проверь! – круто развернулся к нему Орлов. – А то версии выдвигать теоретически мы все горазды! А мне не версии – мне факты нужны! И доказательства! Вот раздобудешь факты, подтверждающие твою версию, я...

– ...тебя премирую целой тысячей рублей к окладу! – закончил за него Крячко, мотнув головой. – Отличная прибавка, она мне всегда душу греет!

– Ошибаешься, – холодно возразил Орлов. – Ни о какой премии можешь и не мечтать. По одной простой причине – никакого дела ты, Крячко, официально не ведешь. Впрочем, и Лева тоже.

Гуров и Крячко переглянулись. Крячко хотел уже снова эмоционально высказаться по этому поводу, но Гуров, благоразумно остерегаясь очередной вспышки гнева Орлова, заговорил:

– Петр, давай-ка откровенно. Как я понимаю, мы должны заниматься этим делом по личной просьбе господина Плисецкого? И чем же взял тебя онный господин? Почему ты согласился, хотя вполне мог официально ему отказать?

– Да, почему? – не выдержав, встрял-таки Крячко. – Он вроде не чиновник, к министерству отношения не имеет, чтобы ты его боялся. На что ты повелся? Неужели на бизнес-«бабки»?

Гуров толкнул Крячко ногой под стулом, ожидая просто бешеного негодования со стороны Орлова, который никогда не подставлял своих сыщиков под неприятное дело, получив за это мзду. Но Орлов на сей раз и не думал гневаться. Он лишь вздохнул и ответил как-то грустно:

– Я, Станислав, уже столько времени живу на свете и столько повидал за годы работы в полиции, что ничего не боюсь. А если мне приходится выполнять требования вышестоящего начальства или его протеже, то это в первую очередь ради вас. Да-да, Станислав, не надо делать скептическое лицо! Посуди сам – кто вас всегда прикрывает? Не я? Мне бояться нечего – я в любой момент на пенсию уйти могу. С удовольствием вон огурцы на грядках выращивать буду. Но я о вас думаю. Пойди я против начальства, ляг бревном поперек указаний сверху, упрись рогом – и что? Ну, уйду я, или «уйдут меня», дадут вам нового начальника Главка... Соображаешь, да? Вмиг закончатся все поблажки, которые я вам делаю просто потому, что давно знаю и глубоко уважаю – и как сыщиков, и как людей. А новая метла по-новому метет. И не исключено, что вас слевой она в первую очередь отсюда выметет. Сами знаете, что кое у кого вы как бельмо на глазу. Я на своем посту уже много лет, столько начальства сверху пережил – не сосчитать! Времена меняются, чиновничьи головы летят, а я сижу себе. Потому что за столько лет научился ладить со всеми. Знаю, когда можно сказать «да», а сделать по-своему. Знаю, и когда твердость нужно проявить. Все я знаю, всех чиновников пережил, я их всех вокруг пальца обвести могу – ради дела, ради нашего Главка, ради вас, в конце концов! Никто лучше меня, видящего ситуацию изнутри, не знает, как сделать, чтобы работалось лучше. Вот сейчас вы у меня почему скучаете? Думаете, дел нет в Главке? Да полно! Не мне вам рассказывать, что их у нас всегда невпроворот. Просто если я вас сейчас перекину на рядовые дела, а тут случится что-то действительно серьезное, мне это серьезное придется передавать другому человеку. А у него и опыта меньше, чем у вас, и смекалки сыскальной тоже. Поэтому вы мне всегда нужны свежими и бодрыми. Я это понимаю, а новый начальник – не факт. И сколько таких примеров еще можно привести, но я не буду, потому что это пустая трата времени. Все вы сами прекрасно знаете, не мальчики. И мне просто даже стыдно излагать вам прописные истины.

Орлов умолк. Гуров и Крячко тоже помалкивали, причем Крячко даже выглядел пристыженным. Однако подобное состояние было для него не характерным, поэтому он быстро взял себя в руки, улыбнулся и сказал:

– Да все мы понимаем, Петр! Давай, что там дальше с этим Плисецким? Небось, сынок какого-нибудь чинуши, да? Или племянник? Дядюшка позвонил уже, похлопотал о дитяте?

– Нет, – покачал головой Орлов. – Никаких дядей у него в министерстве нет, и вообще он занимается чисто бизнесом. И меня с ним никакие личные отношения не связывают. Он просто очень просил его принять, и я принял. В беседе сразу сказал, что официально дела завести не могу. Но он и не настаивал. Он просил, понимаешь, Стас? Просил! Не требовал, не угрожал, не намекал ни на какие связи. Просил помочь и выделить на это дело самых хороших сыщиков и – кстати! – обещал им заплатить из своего кармана. Вне зависимости от результатов. Сколько – не знаю! – тут же добавил Орлов. – Я лишь подчеркнул, что действительно дам хороших сыщиков, причем сначала спрошу их согласия. И вот если они согласятся, то мы поможем. А насчет оплаты пусть он сам с ними, с вами то есть, договаривается. Вот и вся моя материальная заинтересованность... – Генерал после своей длинной речи устало откинулся на стул.

Крячко прочувствованно прижал руки к груди и произнес:

– Петр, кончай! Ты нам слевой сегодня урок за уроком морали и нравственности преподносишь! Пожалей меня, старого! Ей-богу, мое бедное грешное сердце не выдержит этого

обличения! Того и гляди, разорвется от покаяния, и останешься ты без одного из лучших оперов!

– А как с ним можно связаться? – уточнил Гуров, любивший конкретику.

Орлов протянул им с Крячко по глянцевой визитке, на которой значились контакты Плисецкого Леонида Максимовича, и, пока опера пробежали их глазами, добавил:

– Он просил в случае предварительного вашего согласия связаться с ним как можно скорее.

– Хорошо, я ему позвоню, – кивнул Лев.

– А почему не я? – обиделся Крячко.

– Потому что я уже дал свое согласие на это дело, – усмехнулся Гуров. – Вне зависимости от суммы. Да меня она особо не волнует. Дело может быть действительно интересным, а мне сейчас заняться нечем. Я, конечно, крайне благодарен Петру, который так меня бережет для более глобальных задач, но ждать их можно долго, а мне без работы уже тошно. Так что я пошел звонить Плисецкому, а ты, Стас, пока определяйся. – И с этими словами он вышел из кабинета.

– Нет, ну ты слышал, а? – хлопнул себя по коленке Крячко. – Он уже дал свое согласие «вне зависимости от суммы»! А Станислав Крячко, кулацкая натура, дескать, еще сомневается! Как будто непонятно, что раз Лева будет заниматься этим Любимовым, то и я тоже!

– Надо же, какое высокое чувство дружеского долга! – усмехнулся Орлов. – И впрямь офицерское!

– Конечно, а что, мне без Левы самому себе в пустом кабинете анекдоты рассказывать? – искренне высказался Крячко, моментально разрушив высокопарность своего предыдущего заявления.

В этот момент в кабинет вернулся Гуров и сказал от двери:

– Плисецкий сейчас в своей «Гармонии» и ждет. Так что я поехал, чтобы время не терять.

– И я с тобой! – тут же поднялся со стула Крячко.

– А стоит ли? – сощурился Лев. – Предварительно я с ним и сам могу побеседовать. Тебе какой смысл? Или боишься, что я больший процент зажму? – улыбнулся он.

– Конечно, Лева, именно этого я и опасуюсь, зная тебя как старого жука! – погрозил пальцем Крячко, широко улыбаясь.

Хорошее настроение и обычная склонность к шуткам вернулись к нему. Он, обычно не очень любивший работать, на этот раз в глубине души был даже рад, потому что, по правде говоря, ему и впрямь надоело разгадывать кроссворды и предаваться воспоминаниям прошлых лет. И то, что работать предстояло в паре с Гуровым – лучший вариант для них обоих, – было в плюс. Да и, что там греха таить, материальное вознаграждение, обещанное Плисецким, было для Станислава Крячко весьма заманчивым...

Одним словом, он быстренько догнал Гурова, вышел вместе с ним из кабинета, послал воздушный поцелуй секретарше Верочке и в самом наилучшем расположении духа затопал по ступенькам к выходу.

Глава 2

Спортивно-развлекательный центр «Гармония» находился в районе Таганской площади. Сыщики подъехали туда на автомобиле Гурова и были, мягко говоря, впечатлены. Крячко невольно присвистнул, задрал голову вверх и считая этажи.

– Откуда у людей «бабки», а? – задал он вечно волнующий его вопрос.

– Не завидуй, – бросил Лев, подходя к крыльцу.

– Идиотская фраза! – раздраженно ответил Крячко, топя по ступенькам вслед за ним. – Я вообще никому не завидую! Я просто удивляюсь! Потому что понимаю, что честным путем ни-ког-да в жизни на такой центр не заработаешь, хоть сдохни на работе! Мне, например, за всю жизнь и на один этаж не наскрести! Даже если все начальственные премии к этому присовокупить и тринадцатые зарплаты! И ты, Лева, это прекрасно понимаешь! Просто твоя гнилая либеральная натура, которую такие же либералы именуют дипломатичностью, не дает тебе высказывать свои мысли открыто и прямолинейно!

Гуров не стал отвечать: он уже открыл дверь в комплекс, и они с Крячко оказались внутри. Надо сказать, что обстановка там не потрясала показной роскошью, все было отделано просто, но функционально. Прямоугольный первый этаж был разбит на сектора, владельцы комплекса разделили его на своеобразные зоны – как спортивные, так и развлекательные.

Гуров остановился и, достав сотовый телефон, набрал номер Плисецкого. Представившись Леониду Максимовичу, он сообщил о своем прибытии и услышал в ответ:

– Поднимайтесь на четвертый этаж, я вас встречу.

Вместо лифта внутри центра были эскалаторы. Гуров с Крячко поднялись на четвертый этаж и, сойдя с эскалатора, увидели стоявшего перед ним мужчину лет тридцати пяти. При виде полковников тот поднял красивые черные брови и спросил:

– Это вы из полиции? Даже двое? Ох, спасибо огромное Петру Николаевичу! Не ожидал! И вам, господа, огромное спасибо, что откликнулись на мою просьбу. Плисецкий, – протянул он руку для приветствия.

Руки у Леонида Максимовича были миниатюрными для мужчины. Да и сам он, в общем, не отличался крупными габаритами: невысокий, худощавый, сложенный довольно изящно, с тонкими чертами лица и влажными черными глазами, нос с характерной горбинкой, которая не портила его, можно сказать, красивое лицо.

Крячко заранее окинул его подозрительным взглядом, но руку пожал, причем намеренно постарался сделать это пожатие более сильным, чем следовало. Плисецкий никак не отреагировал на это, руки не отдернул, и лишь, когда они шли к кабинету, Гуров обратил внимание на то, что Леонид Максимович незаметно поморщился.

Плисецкий подвел их к одной двери, открыл ее, и они оказались сначала в приемной, где за столом сидела секретарша – довольно молодая еще женщина в очках и с русыми волосами, собранными в узел.

– Ольга Анатольевна, три кофе, пожалуйста, – на ходу распорядился Плисецкий, но тут же спохватился: – Ой, простите, я не спросил, может быть, вы предпочитаете чай или прохладительные напитки?

– Да вообще-то не сезон еще для прохладительных напитков, – хмыкнул Крячко.

– Спасибо, кофе будет в самый раз, – спокойно кивнул Гуров, и секретарша тут же поднялась, прошедев к кофемашине, стоявшей на столике в углу приемной.

Плисецкий тем временем провел Гурова и Крячко в свой кабинет, который был обставлен в современном стиле хай-тек. Правда, из всех этих четких линий выбивались комнатные цветы в горшочках, стоявшие на подоконнике, да еще какие-то кокетливые шторы – очень плотные, тяжелые, с пушистыми висюльками по нижней окантовке.

В кабинете стояли два стола, из чего можно было сделать вывод, что Любимов и Плисецкий делили кабинет на двоих, а также белый диван, который и предложил занять гостям Плисецкий. Гуров с Крячко мгновенно утонули в его чрезвычайной мягкости, погрузившись в сиденье сантиметров на тридцать. Перед диваном стоял стеклянный столик, на который секретарша вскоре поставила поднос с тремя чашками.

Сыщики взялись за чашки, а Плисецкий садиться не стал. Он взял чашку своими тонкими изящными пальцами и, отпивая кофе на ходу, принялся расхаживать по кабинету взад-вперед. Движения его были нервными и быстрыми, и Гуров все время невольно ждал, что тот опрокинет кофе на пушистый ковер – тоже белый, с очень густым ворсом, занимавший практически весь кабинет. Было заметно, что Плисецкий взволнован.

– Дело очень серьезное, – начал он, но договорить не успел, потому что дверь вдруг открылась, и в кабинет вошла женщина лет пятидесяти – мужеподобная, с суровым лицом и короткой стрижкой.

– Леонид Максимович, – густым низким голосом загудела она от двери. – Я принесла расчеты, о которых вы просили.

– Ах, боже мой, Зинаида Павловна, как это не вовремя! – воскликнул Плисецкий, едва скрывая досаду. – Разве Ольга Анатольевна не предупредила, что я не один?

– Вы говорили, что это срочно! – пожала плечами Зинаида Павловна. – Так что, мне позже зайти?

– Да, да, да, позже, позже! – буквально выталкивая женщину из кабинета, выпалил Плисецкий. – Я сам вас вызову!

Женщина неторопливо выплыла из кабинета, и Плисецкий с явным облегчением закрыл за ней дверь.

– Простите, это наша бухгалтер, – извиняясь, обратился он к Крячко с Гуровым. – Она порой бывает весьма бесцеремонна!

– Да ничего страшного, – великодушно отозвался Крячко. – У нас в Главке вообще не церемонятся, так что мы привыкли!

– Так вот... – Плисецкий нервно провел руками по короткостриженным темным волосам. – Вы уже, наверное, в курсе, что мой компаньон, Роман Витальевич Любимов, пропал. Проще говоря, не вернулся из поездки на Карибские острова.

– Да, – кивнул Гуров. – И сразу хотелось бы уточнить: а почему вы решили, что дело серьезное? Может быть, человек просто решил продлить свой отпуск?

Не слишком большие глаза Плисецкого удивленно расширились.

– Нет, что вы, такого просто не может быть! Это исключено! Роман очень пунктуален, он знает о том, что нам нужно оформлять покупку площади, и вообще... Даже если бы он решил так поступить, то обязательно предупредил бы меня! А у него даже телефон отключен!

– А когда вы с ним связывались в последний раз? – спросил Гуров, однако Плисецкий не успел ответить: у него зазвонил сотовый телефон. Он с досадой достал его, но, увидев высветившийся номер, тут же нажал кнопку соединения.

– Да, да, да, – коротко говорил он, при этом лицо его то краснело, то бледнело. – Прямо сейчас? Простите, но... Хорошо-хорошо, я буду, договорились.

Отключив связь, Плисецкий с растерянным видом застыл в центре кабинета. На лице его повисло выражение катастрофы.

– Боже мой, я с ума сойду! – воскликнул он.

– Что случилось? – нахмурился Гуров, решив, что появились неприятные известия о Любимове.

Но оказалось, что дело совсем в другом.

– Звонил один важный человек... Тот самый, с которым мы должны подписать договор. Точнее, один из договоров – это по поводу расширения нашего проекта. Я думал, что мы встре-

тимся с ним вечером, но он сказал, что у него другие планы на вечер, и настаивает на встрече немедленно.

– А что, перенести никак нельзя? – покосился на него Крячко.

– Никак! Нет! Это исключено! Вы не знаете, что это за человек! – вскричал Плисецкий, всплескивая руками – недопитый кофе он уже поставил на свой стол во время хождений по кабинету.

Гуров с Крячко переглянулись.

– Леонид Максимович, вы успокойтесь, пожалуйста, – сказал Лев. – Мне кажется, вы напрасно так все драматизируете. Мы могли бы, к примеру, проехать с вами, и вы по дороге все бы рассказали. Как вам такой вариант?

– Что? Со мной? – Плисецкий замер и задумался, а потом затараторил: – Ой, это было бы крайне любезно с вашей стороны! Правда, я хотел все вам изложить обстоятельно, но тут уж, увы, выбирать не приходится. Только ехать нужно немедленно.

– Хорошо. – Гуров поднялся. – Пойдемте.

Когда они вышли в коридор, Крячко вдруг остановился и сказал:

– Знаешь, Лева, я, пожалуй, не поеду. Какой смысл тратить время нам обоим? Ты и без меня все выслушаешь, а потом просто мне перескажешь.

Гуров поначалу подумал, что Крячко, окончательно убедившись в том, что дело об исчезновении Любимова не стоит и ломаного гроша, таким образом дает ему это понять и подчеркивает всю бесполезность предстоящего расследования. Честно говоря, он и сам подумал, что Плисецкий явно относится к натурам впечатлительным и наверняка стущает краски. Скорее всего, никакой трагедии с его компаньоном не приключилось.

Однако, посмотрев Крячко в глаза, Лев по их выражению уловил, что тот что-то задумал. Слишком хорошо зная своего друга, он не стал ни о чем расспрашивать, лишь согласно кивнул:

– Конечно, Стас!

– Вот и отлично, а я бы пока, чтобы время не терять, расспросил кого-нибудь еще о Романе Витальевиче.

– Кого, например? – вдруг с тревогой уточнил Плисецкий.

– Ну, не знаю, – пожал плечами Крячко. – Кого-то из близких ему людей. Ведь есть у него родные? Жена, дети? Или они вместе уехали в Доминиканскую республику?

– Увы, семьи у него нет, – тут же ответил Плисецкий. – И отдохнуть он улетел один.

– Ну тогда родители, наверное, есть! – не унимался Крячко.

– Ой, только, ради бога, не встречайтесь с его родителями! – замахал руками Плисецкий. – Понимаете, они люди уже пожилые, Рома их единственный сын, и если они узнают, что с ним что-то случилось, даже не представляю, что с ними будет! У Тамары Юрьевны вообще может случиться инфаркт! Я себе этого не прощу!

– Но с ним пока ничего не случилось, – продолжал убеждать его Крячко, уже не скрывая своего недоумения. – И потом, вы же сами хотели, чтобы мы организовали расследование. Как вы себе это представляете? Нам нужно опросить свидетелей, а кроме родителей, как я понимаю, близких людей у него нет. Или есть? – Он в упор уставился на Плисецкого: – Не жена, так любовница, подруга?

– О личной жизни Романа Витальевича мне ничего не известно. Нас связывают рабочие дела, и только, – отводя взгляд, ответил Плисецкий.

– Ну, уважаемый! – развел руками Стас. – Что же вы от нас хотите в таком случае? Расследование – это не детские сказки «Пойди туда – не знаю куда!» Мы не можем плутать в потемках!

– Стас, давай я для начала побеседую с Леонидом Максимовичем, а потом мы вместе решим, что делать дальше, – незаметно подмигивая ему, предложил Гуров.

Крячко надулся, но, подавив вздох, ответил:

– Ладно, пусть так. Но я все-таки предупреждаю, Леонид Максимович, что расследование – это не гонки с препятствиями! А если вы так беспокоитесь об исчезновении друга, то должны понимать, что время дорого!

– Я понимаю, понимаю! – торопливо закивал Плисецкий. – Но и вы меня поймите – я в полном раздрае! Проект горит, Романа нет, клиент ждет – я вообще не знаю, что делать! У меня голова разрывается!

– Ну, вы ведь обратились к профессионалам, – увлекая Плисецкого к лестнице, сказал Гуров. – Разберемся. Главное, успокоиться и делать все шаги последовательно.

Они втроем вышли на улицу, и Плисецкий двинулся было к своей машине – это был красный «Рено», – но Гуров остановил его и предложил:

– Давайте поедem на моей. Во-первых, вы сейчас взвинчены, и вам лучше не садиться за руль в таком состоянии. А во-вторых, мне так и так пришлось бы возвращаться сюда за своей машиной. Так что лучше после вашей встречи я вас подвезу обратно. Идет?

Плисецкий думал пару секунд, потом согласно кивнул, и они пошли к машине Гурова. Берясь за дверцу, Плисецкий вопросительно обернулся на Крячко.

– Я пешком! – буркнул тот и не спеша, вразвалочку, двинулся по улице.

– Куда едем? – садясь за руль, спросил Лев.

– К Яузским воротам, – ответил Плисецкий, и машина стартанула с места.

Они ехали по Верхней Радищевской. Плисецкий все время поглядывал на часы, хотя от Таганки до Яузских совсем недалеко, и они прекрасно успевали. Гуров уже понял, что поговорить не получится – по крайней мере, по дороге туда: Плисецкий слишком нервничал, был взвинчен, а Гурову нужно было, чтобы он сосредоточился, а не отвечал первое, что придет в голову. Он и сам старался помалкивать, готовя вопросы на обратную дорогу.

Наконец они подъехали к ресторану. Гуров припарковался. Плисецкий сразу же начал озираться по сторонам, при этом не высовываясь из автомобиля. Потом он глубоко выдохнул, будто перед прыжком в ледяную воду, решительно открыл дверцу и вышел из машины.

– Подождите, пожалуйста, надеюсь, это не займет много времени, – проговорил он, извиняясь, и Гуров почувствовал, что Плисецкий и впрямь надеется, что предстоящая встреча будет короткой.

Не успел Леонид Максимович скрыться за дверями ресторана, как к входу бесшумно подкатил огромный черный внедорожник «Форд Экскурсион». Из него выскользнул молодой человек, обежал вокруг и услужливо открыл переднюю дверцу. Гуров увидел, как две массивные ноги, обутые в сверкающие кожаные ботинки, ступили на землю, а следом показалось и не менее габаритное тело.

С легким любопытством Лев скосил глаза. Человек, вышедший из машины, был колоритной фигурой. Ростом под два метра, огромный в ширину, одетый в накиннутую на плечи шубу, он возвышался над автомобилем глыбой. Этаким человек-гора. Автомобиль был под стать своему хозяину: в меньшем он мог просто не поместиться.

Неторопливой, царственной походкой он двинулся к ресторану, а все тот же услужливый молодец обогнал его и распахнул двери. Гуров заметил, как угодливо согнулся чуть ли не пополам стоявший в дверях швейцар, кланяясь новоприбывшему и тут же подставляя руки, чтобы принять его шубу. Тот небрежно сбросил ее на руки швейцару и прошествовал в зал. Дальнейшего Гуров не видел. Короткое шоу закончилось, и полковник приготовился к скучному ожиданию.

Однако впереди его ждала не менее интересная сцена. Ожидание, нужно заметить, действительно не заняло много времени. Буквально через пять минут двери ресторана открылись, и из них вышел все тот же колоритный мужчина. На сей раз он двигался быстрее. Не запахивая шубы, которая колыхалась на ветру, он прошагал к «Форду» и, не дожидаясь, пока лакей из его

свиты угодит ему, сам открыл дверцу, с размаху плюхнулся на сиденье, коротко бросил что-то водителю, и машина так же бесшумно отъехала от ресторана.

Спустя еще пару минут из дверей показался Плисецкий. Сначала он как-то неуверенно потоптался на месте, трусливо оглядываясь, а потом быстро засеменил к Гурову. Когда тот увидел Плисецкого, то пришел к выводу, что проведенные в ресторане минуты были далеко не лучшими в жизни Леонида Максимовича.

На лбу его выступил пот, лицо было бледным, короткие волосы стояли торчком на макушке. Он словно сразу постарел и приобрел откровенно болезненный вид.

– С вами все в порядке? – не выдержав, спросил Лев.

– А? Да-да, все хорошо! – Плисецкий вымученно улыбнулся и произнес, постаравшись придать голосу бодрость и оптимизм: – Ну что, поехали?

Гуров не спеша тронулся с места, а Плисецкий, едва они проехали несколько метров, стал всматриваться в окно.

– Ну как прошла встреча, Леонид Максимович? – как бы между делом поинтересовался Гуров.

– Встреча? Да все хорошо. Как я и рассчитывал, – пробормотал Плисецкий.

– Вы встречались с деловым партнером?

Плисецкий что-то пробормотал, а потом, встрепенувшись, сказал:

– Ну что, поговорим о Романе?

– А что это за человек на «Форде»? – вместо того чтобы переходить к беседе о Любимове, задал вопрос Лев.

Плисецкий застыл, его лицо, начавшее уже постепенно приобретать свой нормальный цвет, снова побелело.

– То есть, в смысле, какой человек? На чем?

– Такой, знаете, колоритный, в барской шубе, – спокойно уточнил Гуров. – Он вышел перед вами из ресторана, сел в черный «Форд Экскурсион» и уехал.

– Не знаю! – Плисецкий рассмеялся нервным смехом. – Я-то здесь при чем? А почему мы повернули? Нам же прямо! – Голос его приобрел визгливые нотки, и Лев, бросив на него взгляд, убедился, что тот до смерти боится.

Он намеренно свернул с Верхней Радищевской в один из переулков. Прежде чем двигаться дальше в расследовании исчезновения Любимова, ему нужно было разобраться в этом эпизоде, казавшемся полковнику очень значимым.

– Леонид Максимович, – остановив автомобиль, заговорил Гуров, – если вы хотите, чтобы я действительно вам помог, вы должны быть откровенны. Для вашей же пользы. Знаете, это как с врачом. Если вы станете его обманывать, то в конечном итоге обманете сами себя и останетесь без помощи, на которую рассчитываете. Так же и в случае с сыщиком. Вы же, кажется, хотели от меня помощи?

– Хотел, хотел, я и сейчас хочу! – быстро закивал Плисецкий. – Поэтому и предлагаю поговорить о Романе!

– Для того чтобы мы смогли это сделать, вам нужно перестать мне врать, иначе наше дальнейшее сотрудничество считаю бессмысленным. Вы же определенно знаете мужчину, о котором я вас спрашивал, но по какой-то причине это отрицаете. Я догадываюсь, по какой, – вы его боитесь, и мне интересно, в связи с чем. Для начала у меня только один вопрос: кто он такой? И если я не получу ответа на него, то на этом наше знакомство считаю законченным.

Плисецкий снова замер и сидел в таком ступоре около минуты. Потом разлепил тонкие губы, ставшие почти бескровными, и тихо произнес:

– А если я дам этот ответ, я труп.

– Может быть, не стоит так сгущать краски? – внимательно посмотрел на него Лев. – Но даже если все настолько серьезно, вам тем более стоит об этом поведать офицеру полиции. Как я понимаю, вы настолько запуганы, что самому вам не справиться.

Плисецкий еще немного помолчал и сказал:

– Это страшный человек. Хотя на первый взгляд может произвести самое благоприятное впечатление.

– Что за отношения вас связывают?

– Он дал нам с Романом денег.

– Так, вот с этого момента давайте поподробнее и поконкретнее. Когда дал, на что, на каких условиях, – кивнул Гуров, приготовившись слушать.

Плисецкий немного помолчал, но все же начал говорить:

– Это было три года назад. Деньги он нам дал на развитие спортивно-развлекательного комплекса. Не совсем дал, добавил. Мы все-таки с Ромой за эти годы сколотили приличный капитал. Но его, конечно, не хватало на все. Сами посудите, одно только здание в какую сумму влетело, а еще и ремонт, и оборудование, и тренажеры, и аппараты всевозможные... Словом, нужны были средства. И он согласился их дать.

– Так, давайте все-таки уточним – кто он?

– Его фамилия Буров, – едва слышно проговорил Плисецкий. – Никто не знает, чем конкретно он занимается, но он очень богат. Скорее всего, что-то очень доходное и очень незаконное – наркотики, может быть, оружие... Не знаю, не знаю, что точно, и не интересуюсь! – снова нервно и тонко выкрикнул Плисецкий. – Об этом не принято говорить вслух, сами понимаете! Но человек он очень влиятельный. На тот момент я вообще об этом не думал, главное было, что он согласился ссудить денег. Не просто так, конечно, а под проценты, и весьма высокие. Но доходы от комплекса должны были их с лихвой покрыть. «Гармония» и впрямь приносит хороший доход, дела быстро пошли настолько успешно, что мы благополучно рассчитывались с Буровым каждый месяц. Тут много всего было вложено: и местоположение, и реклама, и стратегия. Все оборудовали соответствующим образом, оформили интерьер, наняли хороших специалистов...

– Давайте ближе к делу, – попросил Гуров, взглянув на часы.

Собственно, первоначально он рассчитывал получить у Плисецкого информацию о Любимове, но пока что до этого они так и не дошли: неожиданно вкравшийся инцидент с таинственным господином Буровым изменил сценарий беседы, и сейчас Гурова в первую очередь интересовал этот человек и отношения с ним обоих компаньонов.

– Да, да, конечно, я просто стараюсь рассказывать так, чтобы вам было понятно. В общем, дела пошли настолько хорошо, что мы задумали расширить наше предприятие, открыть по Москве еще несколько центров, подобных нашему. Но это уже были серьезные деньги. И мы снова обратились к Бурову. К этому моменту он уже убедился, что с нами стоит иметь дело, и рассчитывал на солидный процент от прибыли. Мы обо всем договорились: выкупили здания, начали ремонт и оформление интерьера, подготовили персонал. Осталось приобрести оборудование, все расставить – и можно было открываться. Мы рассчитывали сделать это уже в начале марта, времени в обрез: как раз весной народ просыпается и начинает активно заботиться о своей внешности, сгонять накопленные за зиму килограммы, к тому же его тянет на развлечения. Я никак не ожидал, что Роман вдруг укатит на отдых! – с досадой покачал головой Плисецкий. – Убеждал его повременить, говорил, что, мол, вот давай откроемся, начнем работать – тогда и кати с чистой совестью! Но потом увидел, в каком он состоянии, и решил, что пусть лучше едет. Все это время я ждал его возвращения. С Буровым был уговор: как только Роман вернется, мы поровну вносим деньги и занимаемся закупкой оборудования. Деньги были переведены на наши с ним счета, в равных долях. И вот к назначенному сроку Роман не вернулся! Вы понимаете, что это значит? Я не могу купить оборудование, потому что моей доли на него

не хватает! Буров несколько раз звонил и интересовался, куплено ли оборудование и когда будут открыты новые центры. Господи! – Плисецкий схватился за голову. – Что я мог ему сказать? Я сам сходил с ума! Я не знал, где Роман, что с ним, не мог до него дозвониться! В итоге Буров сам выяснил, что Романа нет на месте, и ему это не понравилось. И вот сегодня он позвонил и потребовал встречи. На ней он ясно мне сказал: либо мы открываемся до первого марта, либо я возвращаю ему деньги, причем его не волнует, где я их возьму! Вы понимаете, понимаете? – Плисецкий заглядывал в глаза Гурова с какой-то надеждой, словно от того, поймет его полковник или нет, зависит дальнейший исход дела.

– А вы не можете отдать ему свои деньги? – спросил Гуров. – Ну, ваша же доля, выделенная на покупку оборудования, как я понимаю, так и лежит на счете?

– Отдать ее я, конечно, могу, – невесело усмехнулся Плисецкий. – Но Буров не захочет брать половину. К тому же это означает, что без оборудования я не смогу открыть оба центра, в которые денег вброшено уже немерено. Получается, они пошли коту под хвост.

– Но можно ведь продать эти помещения? – предложил Гуров свой вариант.

Плисецкий посмотрел на него с сочувствием в глазах и выразительно произнес:

– Можно. Но, во-первых, это дело времени. Чтобы продать их быстро, нужно скинуть цену, и существенно. А это означает, что я окажусь в проигрыше. И опять же – долю Романа я не смогу вернуть! У меня же нет доступа к его счету! А Буров хочет все деньги, понимаете, ВСЕ! – Он закатил глаза и с тоской пробормотал: – Я погиб! Даже если я продам все свое личное имущество, этого все равно не хватит, чтобы рассчитаться с Буровым! Теперь вы понимаете, почему я обратился к вам? Понимаете, почему мне жизненно необходимо, чтобы вы нашли Романа? Понимаете, почему я не верю, что он, зная положение вещей, беспечно завис на пляже еще на недельку-другую?

– Да, это, конечно, вряд ли, – задумчиво проговорил Лев. – Если только ему не наплевать на ваши проблемы.

– Вы о чем? – изумленно воззрился на него Плисецкий. – Мы знакомы с Ромой двадцать лет! Мы с нуля начинали вместе! Через нас обоих проходили о-очень большие деньги, и ни разу не было случаев взаимного кидалова! Так что оставьте эту версию, не тратьте время. Роману я доверяю как самому себе, а может, даже больше.

– Хорошо, допустим, все именно так, как вы говорите, – кивнул Гуров. – А вы не думали, обращаясь в полицию, что вам сейчас выгоднее не найти своего компаньона – что, разумеется, тоже важно, – а написать заявление на действия гражданина Бузова? По факту угроз, вымогательства и прочего?

Плисецкий посмотрел на Гурова так красноречиво, что тот невольно почувствовал себя образчиком наивности, и снисходительно произнес:

– Я вас умоляю! Я не вчера родился, чтобы рассчитывать в этом вопросе на помощь полиции! Полиция ничего не сможет сделать Бузову, ни-че-го! Буров – он сильнее полиции! Он сильнее, мне думается, всех ведомств столицы! Лев Иванович! Не пытайтесь тягаться с Буровым, у вас ничего не выйдет! Его никто никогда не посадит, потому что денег Бузова хватит на то, чтобы купить все ваше МВД – только без обид, пожалуйста! Вы думаете, такие деньги, как у него, можно заработать, честно и мирно продавая детские игрушки? Это он под такой официальной вывеской числится. Его все боятся, потому что знают: Бузову человека убрать – как высморкаться.

– Зачем же вы связались с таким страшным человеком? И откуда он вообще взялся в вашей жизни? – удивленно спросил Лев.

– Не знаю, это Рома как-то завязал с ним знакомство. На тот момент никаких подробностей он мне не рассказывал, и я думал, что нам просто повезло найти такого спонсора. А теперь вот локти кусаю! Деньги меня уже не радуют, и вообще ничего! Я спать перестал ночами, есть перестал, похудел уже на пять килограммов, а я и так никогда не отличался лишним весом.

– Так, давайте оставим причитания, вы не барышня на приеме у психотерапевта, – довольно строго произнес Гуров. – Давайте лучше решать ваш вопрос. Думаю, что ваше мнение о Бурове и его могуществе несколько преувеличено.

– Почему вы так считаете? – спросил Плисецкий, которого уверенность Гурова немного успокоила.

– Потому что в таком случае о нем бы знали в МВД, – ответил Лев, – и я бы о нем слышал. Вы себе не слишком хорошо представляете нашу контору и, думается, недооцениваете. А мы тоже кое-что можем. И поверьте, бандитов – а ваш Буров обыкновенный бандит, и больше никто, пусть и влиятельный, – нам довелось пересажать очень много.

– Ну хорошо, – слегка окрепшим голосом сказал Плисецкий. – А сейчас-то что делать?

– Заниматься поисками Любимова. Точнее, искать причины его невозвращения. И у меня уже есть несколько таких.

– И что же это за причины?

– Я не стану сейчас о них распространяться. Вы мне лучше вот что скажите: во время своего рассказа вы произнесли следующую фразу: «Но он был в таком состоянии, что я решил, пусть лучше едет». Возможно, я не совсем дословно ее воспроизвел, но смысл ухватил. О каком состоянии вы говорили? Что происходило с вашим компаньоном перед отъездом?

Плисецкий задумался, а потом ответил:

– Не знаю. Но Рома стал немного не таким, как раньше. Он то ли тосковал, то ли еще что... Может быть, просто устал. Это началось еще осенью, я списывал на депрессию, предлагал ему поехать отдохнуть перед Новым годом, но тогда он отказался. А под конец зимы вдруг сорвался! И настроение резко поднялось! Он прямо как окрыленный летал перед отлетом – такой вот каламбур у меня получился, – улыбнулся Плисецкий первый раз за все время беседы.

– Гм, вот как? – сдвинул брови Гуров. – А с чем это могло быть связано?

– Понятия не имею! Честно – не знаю!

– Неужели ваш близкий компаньон, которому вы абсолютно доверяете, с вами не делился?

– Честное слово, нет! И... я же уже говорил – он мне компаньон, но личные дела мы не обсуждали. Роман говорил, что просто ждет весны, что надоела зима, а вот теперь она проходит, и ему снова хочется жить.

– А может быть, он просто влюбился? – предположил Лев. – Вы уверены, что он улетел один?

Плисецкий неожиданно побледнел и растерянно произнес:

– То есть... Как? Что вы хотите этим сказать?

– Ну, как что? – настала очередь удивляться Гурову. – Познакомился с девушкой, влюбился, решил съездить вместе с ней отдохнуть – что здесь такого?

– С девушкой? Вместе отдохнуть? – Плисецкий, казалось, никак не мог взять в толк, о чем говорит полковник.

– Леонид Максимович, вы сами когда последний раз отдыхали? – с усмешкой спросил Гуров.

– Мы? Да где-то год назад... Ездили в Испанию, на Ибицу. То есть и Роман Витальевич тоже.

– Мне кажется, длительный стресс лишил вас способности воспринимать нормальные, естественные вещи. Вам самому не мешало бы съездить отдохнуть. С семьей. Глядишь, за это время и Роман Витальевич вернется, – улыбнулся Лев.

Но Плисецкому было не до смеха. Почему-то безобидное замечание Гурова произвело на него огромное впечатление. Он как-то сразу сжался в сиденье, замкнулся и всю дорогу сосредоточенно смотрел перед собой, отвечая на вопросы односложно и не задумываясь. Лев

понял, что беседы не получится и собирать информацию о Любимове придется в другом месте и у других людей.

Уже когда они почти подъехали к «Гармонии», у Плисецкого зазвонил телефон. Тот достал его и, увидев высветившийся номер, слегка выругался, но все же ответил на звонок:

– Да, дорогая, прости, я помню, но у меня изменились обстоятельства. Что? Когда? Где? Ладно, хорошо.

– Вас куда-то подвезти в другое место? – поинтересовался Лев.

Однако Плисецкий возразил и меньше чем через минуту автомобиль Гурова остановился у спортивно-развлекательного центра. Плисецкий еще раз поблагодарил полковника, не меньше десяти раз извинился за то, что все получилось «с ног на голову», еще столько же раз спросил, когда можно ждать первых новостей, после чего, наконец, направился к дверям. Когда он скрылся за ними, Гуров достал свой телефон и, набрав номер, спросил:

– Стас, ты где?

И получил неожиданный ответ:

– У врача!

Глава 3

Станислав Крячко, пройдя несколько метров от спортивно-развлекательного центра, остановился. Увидев, что его обогнала машина Гурова с сидевшим рядом с ним Плисецким, он постоял несколько секунд, а затем развернулся и направился обратно к входу в центр «Гармония».

Теперь Крячко не спешил. Он прошелся по первому этажу, по-хозяйски заглядывая в каждую комнату и не утруждая себя при этом стуком, и убедился, что первый этаж был отдан под всякого рода процедуры для ухода за внешностью. Тут находились косметические кабинеты, массажные, парикмахерские и прочие, хитрого предназначения которых Крячко, далекий от ухода за собственной внешностью, определить так и не смог.

Зато буквально через пять минут после хождения по кабинетам его самого определили как нуждающегося в таком уходе. Из каждого кабинета стали выныривать девушки в униформе и, улыбаясь Крячко нереально белыми зубами, вежливо осведомлялись:

– Добрый день, вы хотели бы воспользоваться нашими услугами?

Крячко попытался поначалу отшучиваться, но потом, когда предложения посетить тот или иной кабинет стали зашкаливать, поспешил спастись бегством, ринувшись к эскалатору, ведущему на второй этаж. Там ему понравилось гораздо больше, хотя бы потому, что второй этаж был в основном рассчитан на мужчин. Здесь находились всякие спортивные комнаты, тренажерный зал, боулинг, бильярдная и, что его немало удивило, даже сауна в дальнем конце коридора.

В залах тренировались, играли в бильярд и развлекались мужчины разных возрастов и комплекций. Были и молодые, подтянутые, щеголяющие с обнаженным торсом, демонстрируя идеальные кубики пресса, ставшие притчей во языцех для многих подростков. Были и постарше, с телами откровенно запущенными, с выпирающими животами, являвшими собой, в отличие от кубиков, иную геометрическую фигуру – огромный шар.

Крячко пока что ни с кем не заводил бесед – только присматривался, уже наметив для себя четвертый этаж, где намеревался начать разговоры с персоналом комплекса, а уже потом переместиться на посетителей. Но не абы каких, а тех, кто ходит сюда регулярно и действительно сможет сообщить что-то интересное. Для этого ему следовало определить круг постоянных клиентов, вот зачем ему нужна была беседа с сотрудниками центра, а точнее, сотрудницами, потому что, что ни говори, а женщины, по глубокому убеждению Крячко, гораздо более словоохотливы и склонны к сплетням.

Собирать сплетни Стас умел виртуозно. Не гнушался, подобно Гурову, этим занятием, которое тот считал чуть ли не постыдным и пустой тратой времени, из-за чего между ними периодически разгорались горячие споры. Крячко был убежден, что это очень важный элемент в любом расследовании, и тут нужно недюжинное мастерство. А Гуров таким мастерством не обладает, посему нечего ему и соваться в эту деликатнейшую сферу.

– Лева, уметь отличить сплетни от фактов – это талант! – поднимая вверх указательный палец, рассуждал Крячко. – Я ж не просто так трусь возле этих дамочек, выслушиваю треп о всяких там мужьях-любовниках-тещах-свекровях и прочей на первый взгляд чепухе! Я работаю – нет, я вершу отбор! Я совершаю колоссальный мыслительный процесс, в результате которого мне приходится по крупицам отбирать из всей этой шелухи золотые ядра истины!

– Ничего себе! – удивленно заметил Гуров, с интересом поглядывая на своего друга, которого, как считал, знал как облупленного. – Стас, ты меня, признаться, сразил наповал! Какой слог, а? Это же высокий стиль! Ломоносов обзавидует! Зато Пушкин может спать спокойно: в твоём лице он нашёл достойного преемника, продолжающего лучшие традиции литературного русского языка!

Крячко лишь махнул рукой. Он не был носителем традиций русского литературного языка, более того, имел с этим самым языком отношения трудные, сложные, запутанные и не всегда добросердечные. Да что там греха таить, порой он русский язык просто ненавидел, особенно когда ему нужно было на бумаге воплощать его в жизнь, то есть составлять документы, протоколы, отчеты и заниматься прочей бумажной волокитой.

– Мне на штили глубоко плевать, я не теоретик, я практик! – бил себя кулаком в грудь Стас. – Я не просто так с ними разговоры разговариваю! Я делаю из болтовни фак-ты! Именно то, чего от нас с тобой требует наш драгоценный Петр Николаевич Орлов, дай ему Бог здоровья и долгих лет!

Пройдясь по всему второму этажу, Крячко уже совершенно освоился в спортивно-развлекательном комплексе и собрался отправиться на третий, дабы убедиться, что там ему делать нечего: его целью был четвертый.

Третий этаж действительно не представлял для него профессионального интереса: он оказался средоточием развлекательных заведений. Именно этот этаж был отдан под кафе, торговые точки и небольшой кинотеатр.

Поднявшись на четвертый этаж, Стас уверенно подошел к приемной, которую покинул несколько минут назад, и, не церемонясь, открыл дверь. Сидевшая за своим столом секретарша Ольга Анатольевна вскинула на него глаза и близоруко прищурилась.

– Простите, а Леонид Максимович еще не вернулся, – поправив свои рудиментарные очки, сообщила она.

– А я знаю! – махнул рукой Крячко, без приглашения проходя в кабинет и усаживаясь рядом с секретаршей. – Леонид Максимович как раз и просил побеседовать с вами, пока он отсутствует!

– Со мной? – Ольга Анатольевна растерялась. – Но почему? Он мне ничего не говорил...

– Так он просто не успел, – успокоил ее Крячко. – У него встреча важная. А время идет. Вот Леонид Максимович и сказал, что вы, как человек компетентный, грамотный сотрудник, сможете предоставить все нужные сведения, – на голубом глазу соврал Крячко.

Ольга Анатольевна зарделась, словно барышня на выданье, и даже сняла очки. Крячко невольно отметил, что без них она выглядит намного лучше, да и лет ей совсем не так много, как кажется на первый взгляд. Если бы еще изменить эту прилизанную прическу и хоть немного подкраситься – была бы вообще ничего.

«Черт его знает, что такое, вроде в центре этом только наведением красоты и занимаются, а бабы-сотрудницы у них ходят, как пугала огородные! – с недоумением подумал Стас, вспомнив мужиковатую бухгалтершу с ее куцей стрижкой, совершенно лишенную даже не красоты, а каких-то признаков ухоженности. – Могли бы сотрудницам какой-нибудь льготный абонемент выписать в свои апартаменты, если уж платят гроши!»

В том, что персоналу платят гроши, он не сомневался. Чем богаче хозяин, тем жаднее, в этом Станислав был убежден.

Ольга Анатольевна тем временем изобразила полную готовность к сотрудничеству: она села прямо, сложила руки на коленях, прикрытых длинной серо-зеленой юбкой, и внимательно уставилась на Крячко, стараясь не щуриться. Очков она так и не надела.

– Итак, начнем с Романа Витальевича, – приступил Стас к своей «деликатнейшей миссии». – Вы ведь, Ольга Анатольевна, наверняка в курсе, что он задержался из своего возвращения из Доминиканы?

– Да-да, конечно, я в курсе, – закивала та маленькой головой. – И это действительно странно, мы все волнуемся, особенно Леонид Максимович...

– Да-да-да, Леонид Максимович просто места себе не находит! – с сочувствием подхватил Крячко и придвинул стул ближе. – Они с Романом Витальевичем очень дружат, правда?

– Правда, – тут же ответила секретарша. – Они давно знакомы, можно сказать, домами дружат.

– Домами, вот как? А я думал, Роман Витальевич не женат...

– Он-то не женат, а Леонид Максимович – да. Двое деток у него, и жена такая милая. Правда, она здесь редко появляется. Я про то, что Роман Витальевич часто у них в гостях бывает, и дни рождения они всегда вместе отмечают, и прочие праздники... Они и дело свое вместе ведут. Кажется, и начинали его вдвоем, но точно не скажу, потому что это давно было, еще до «Гармонии». А я три года назад пришла работать уже сюда.

– И как вам, понравилось здесь? – с искренним участием спросил Крячко. – Начальство не обижает?

– Нет, что вы! И Роман Витальевич, и Леонид Максимович такие вежливые, обходительные! Никогда даже голос не повышают, не кричат, не ругаются... Знаете, бывают начальники такие хамы! Мне, к сожалению, доводилось с такими сталкиваться. Или, знаете, бывают такие, что все соки выжимают, сверхурочно заставляют работать и при этом не оплачивают лишние часы. А Леонид Максимович и Роман Витальевич – никогда. Сами частенько остаются по вечерам, все обсуждают что-то, но меня никогда не просят задержаться. Хотя я бы и согласилась – мне все равно дома скучно, спешить некуда.

Крячко с пониманием кивал. Ольга Анатольевна производила впечатление типичной старой девы, хотя старой, в прямом смысле слова, и не являлась. Слушая ее, он демонстрировал глубочайшее внимание. На самом деле так оно и было: слушал он очень внимательно, схватывая все детали, из которых потом его причудливо устроенный практический мозг вычленил то, что Станислав считал важным. И, к слову, редко ошибался.

– А вот сегодня Леонид Максимович очень разнервничался, кричал даже! – заметил он.

– Ой, это же исключение! – тут же кинулась защищать своего босса секретарша. – Он просто очень переживает. Это же его друг!

– Да, то, что они дружат, я понял. А вот в бизнесе как? Неужели никогда не спорят? Все-таки ваш комплекс такой... – Крячко пошевелил пальцем, подбирая подходящее слово. – Такой разноплановый! Тут столько всяких нюансов: и отделка помещения, и оснащение, и направление... Все это нужно согласовать, правильно? И редко в таких вопросах бывает без разногласий.

Секретарша если и задумалась, то не более чем на пару секунд.

– Может быть, и бывает такое, но они всегда все мирно решают. Я ни разу не видела, чтобы между ними были какие-то разногласия. Ну, в смысле, громкие споры или ссоры. И всегда между собой даже подчеркнута вежливости! Редко таких руководителей встретишь, редко... – Она тихонько вздохнула. – Раз только на моей памяти поспорили, а так никогда.

– Вот как? – мгновенно ухватился Крячко за оброненную вскользь фразу. – Из-за чего же два таких хороших друга могли поспорить? Небось, пустяки какие-нибудь, типа в какой угол кофеварку ставить, – улыбнулся он.

Ольга Анатольевна невольно улыбнулась в ответ и покачала головой:

– Я, знаете, не вникала глубоко, но, кажется, речь шла о совместной поездке куда-то. Леонид Максимович хотел поехать, а Роман Витальевич, кажется, нет.

– А когда это было?

– Примерно полгода назад.

– Угу, угу, – бормоча себе под нос, кивал Крячко. – А вот скажите, Роман Витальевич перед отъездом вам каким показался? Может быть, что-то было не совсем, как обычно? Может, он ехать не хотел?

Ольга Анатольевна при этих словах вдруг встрепенулась и оживленно заговорила:

– Нет, что вы, он как раз захотел ехать! И настроение у него прямо поднялось!

– Что значит – захотел? А раньше не хотел?

Секретарша замялась, подбирая слова.

– Раньше, мне кажется, ему вообще ничего не хотелось. Это еще осенью началось. Он обычно всегда веселый, Роман Витальевич, улыбается приветливо, а тут ходил грустный, молчаливый. Я подумала тогда – ну, осень, понятное дело. Многим осенью тоскливо, потому что без солнечного света перестают вырабатываться нужные гормоны. Но он и зимой не слишком изменился, не радовался даже Новому году, хотя обычно они с Леонидом Максимовичем устраивают прямо-таки грандиозный праздник!

– Ну, этому Новому году вообще мало кто радовался, – проворчал Стас, вспомнив о том, как всему управлению вдруг резко задержали зарплату перед самыми праздниками, чего не наблюдалось уже много лет, вдобавок еще и урезали премию, а кое-кому вовсе не выплатили... Вспомнил сам Новый год, когда он, злой на весь белый свет, отказался с женой идти в гости и остался дома, ссылаясь на отсутствие настроения, а главное – денег. Жена ушла одна к тестю с тещей, дети разбежались по своим компаниям, и Крячко вознамерился насладиться одиночеством, а потом, вспомнив детство, даже устроить во дворе мини-салют.

Но не суждено было сбыться чаяниям Крячко. Вместо этого он, пропустив сразу несколько рюмок на голодный желудок, быстро раскис и уже в половине первого ночи улегся спать, так и не встретив толком Новый год, которого обычно начинал ждать еще с октября... Так что в этом смысле он Романа Любимова хорошо понимал.

А секретарша тем временем продолжала свой рассказ, неожиданно углубившись в него...

...Роман Любимов стоял у окна в своем кабинете и, нахмурившись, вглядывался в промозглую декабрьскую хмурию, когда в кабинет тихонько вошла Ольга Анатольевна с подносом в руках. На подносе дымились три чашки с травяным чаем – любимым напитком Романа Витальевича, который он потреблял в больших количествах.

Секретарша аккуратно поставила поднос на стол и собралась так же незаметно удалиться, как вдруг Роман Витальевич обернулся и сказал:

– Ольга Анатольевна, а как вы обычно развлекаетесь?

Секретарша впала в ступор от этого вопроса. Поначалу она, грешным делом, решила, будто босс таким образом вздумал оказать ей знаки внимания, что совершенно не входило в ее планы, смущало и даже откровенно страшило. В своей практике ей не доводилось заводить интрижки с шефом, да и было их у нее не так уж много, но Роман Витальевич вроде бы не отличался подобными склонностями.

Ольга Анатольевна замялась и в нерешительности топталась на месте, не зная, как ответить. Роман Витальевич отошел от окна, приблизился к ней и, выдавив приветливую улыбку, пояснил:

– Ну, свободное время как вы проводите?

– Я... Ну... Ну, книжки читаю, – нашлась она наконец, решив, что никакого подвоха в вопросе шефа не скрывается. – По выходным маму навещаю. Иногда к подруге езжу. Вот.

– И все? – На лице Любимова отразилось явное изумление.

– Я, наверное, не умею развлекаться, Роман Витальевич, – вздохнув, призналась Ольга Анатольевна и собралась уходить, но шеф вдруг остановил ее:

– Ольга Анатольевна, составьте мне компанию, пожалуйста! В смысле, давайте вместе попьем чайку.

Секретарша, борясь со смущением, все же присела на краешек дивана и взяла чашку. Роман Витальевич садиться не стал, он взял чашку с подноса и, отпивая чай, сказал:

– Вы ведь, кажется, одиноки?

– Да, – опустив глаза, ответила она.

– У вас масса свободного времени, вы ничем не обременены, могли бы позволить себе что-нибудь интересное... Вы, кстати, в отпуск куда ездили?

– Никуда, – отвела глаза Ольга Анатольевна, словно признавалась в чем-то постыдном. – У меня дома дел хватает.

Роман Витальевич продолжал задумчиво следить за ней, потом спросил:

– Скажите, а вам не бывает скучно?

– Скучно? Нет, не замечала. Я же говорю – не умею я развлекаться. Жизнь моя идет своим чередом, в ней один день похож на другой. И знаете, я, наверное, уже привыкла к этому и не хочу ничего менять. Перемены меня даже пугают.

– Но так ведь можно с ума сойти от скуки! – пораженно воскликнул Любимов.

Ольга Анатольевна вздохнула. Ей не нравился этот разговор, и она уже сожалела, что согласилась остаться. Но и отказать хозяину стеснялась. Роман Витальевич присел все-таки рядом и, задумчиво крутя в руке чашку, проговорил:

– Знаете, я провожу свой досуг гораздо насыщеннее. Я объехал, наверное, весь мир. В Москве нет такого места, которое я бы не посетил. И вот я думаю – что дальше? При мысли о том, что не будет в моей жизни ничего нового, мне становится страшно. Вот это меня все время мучает – что дальше? В чем смысл? Денег у меня хватает, но я просто не могу придумать, что себе такое позволить. Купить очередную машину? Скучно, надоело, да и мелко! Вообще все, что касается покупок, новых приобретений, мне неинтересно, я в это уже наигрался. А вот придумать бы что-нибудь эдакое, что-то по-настоящему интересное, захватывающее, позволяющее глубже заглянуть в себя, открыть доселе неизведанное в самом себе. Понимаете меня?

Он заглянул ей в глаза, словно ожидая ответа на все свои вопросы. Но Ольга Анатольевна не могла их дать. То, чем был озабочен шеф, ей было непонятно. Ее волновали более простые вещи: успеть оплатить коммунальные услуги до конца месяца, купить матери, у которой больные ноги, лекарства и связать пуховые носки, постараться растянуть зарплату так, чтобы можно было отложить небольшую сумму.

А шеф... Ему всего этого не понять, у него другие заботы. Ольге Анатольевне было любопытно – что это с ним такое? Никогда раньше он не разговаривал с ней на эти темы. Вроде и не молчал, любил порой поболтать о всяких пустяках, но не более того. Никогда не раскрывался и в свой внутренний мир не пускал.

«С жиру бесится, – подумала она про себя. – Конечно, ему не надо голову ломать, как до конца месяца концы с концами свести! Небось, и не задумывается, как на мою зарплату прожить! А посадить бы его на мой оклад – сразу прекратил бы дурью маяться! Дух бы у него захватывало, когда еще неделя до зарплаты, а в холодильнике у тебя полпачки масла из растительных жиров да кусок батона в хлебнице, а сапоги порвались окончательно. И голову ломал бы над тем, что выгоднее: новые купить или попытаться эти починить уже в четвертый раз!»

Но вслух произнесла совсем другую фразу:

– Жениться вам надо, Роман Витальевич.

Тот удивленно уставился на нее, будто в его мечты и душевные метания непонятным образом затесалось нечто приземленное, обыденное и настолько неинтересное, что непонятно, как оно вообще прокралось в столь возвышенный монолог, ведь ему никак не место по соседству с его прекрасными порывами.

– Жениться, – засмеялся он невесело. – Нет, Ольга Анатольевна, боюсь, это не выход для меня. Хотя, по моим наблюдениям, это и впрямь экстремальное развлечение!

– Зима сейчас, витаминов не хватает, солнечного света, – принялась перечислять причины неуютного душевного состояния своего шефа секретарша. – Вы бы купили большой флакон витаминов и пили по две сразу! А в чай я вам советую зверобой добавлять – он любую депрессию снимает!

Любимов кивал, но выражение лица у него при этом было как при зубной боли.

– Или отдохнули бы, отпуск взяли! – продолжала давать советы Ольга Анатольевна. – Вон Леонид Максимович вам уже не раз говорил, чтобы вы съездили куда-нибудь!

– Не то, не то... – бормотал Любимов, а Ольга Анатольевна продолжала:

– Неважно, что везде уже бывали! Все равно не может быть, чтобы не осталось на земле такого уголка, где вы еще не были! Вы же все по накатанной ездите, по туристическим местам, а есть ведь и неизведанные уголки! Вам, конечно, и в голову не приходило их посетить, а вдруг это именно то, что вам нужно? Знаете, я недавно читала, что сейчас стало очень модно ездить к Северному полюсу! Да-да, не удивляйтесь! Люди, вполне респектабельные, едут туда, чтобы побыть в одиночестве, отдохнуть от суеты мегаполиса, насладиться первозданной красотой. Им не разрешают даже мобильные телефоны брать с собой, и вообще там никакой цивилизации. Три или четыре дня они там выживают как могут. Правда, за ними следят, конечно, а то мало ли что... Я запомнила, что это стоит дорого, но для вас, кажется, деньги не имеют значения? – усмехнулась она.

Роман Витальевич сидел, наморщив лоб, и внимательно ее слушал.

– Что ж, это интересно, – неожиданно произнес он и даже улыбнулся. – Это вы где прочитали, Ольга Анатольевна?

– Да в газете какой-то, – пожала она плечами. – Не помню, в какой. Но могу поискать.

– Поищите, пожалуйста, – закивал Любимов и поднялся.

Он быстро прошел к своему столу, сел за компьютер и защелкал мышью. Потом, повеселев, посмотрел на секретаршу и сказал:

– Что ж, Ольга Анатольевна, спасибо вам большое! Вы мне прямо настроение подняли!

Секретарша кивнула и с облегчением вышла из кабинета...

– И что же, он поехал на Северный полюс? – спросил Крячко, когда Ольга Анатольевна закончила свой рассказ.

– Нет, не поехал, – улыбнулась та. – В Доминикану поехал – это привычнее, видимо. Я думаю, у него просто блажь такая была. А потом он ею переболел – и все прошло. Сами посудите, на Северный полюс такому изнеженному барчуку! Он в кабинете-то с сентября обогреватель включает. Хотя о теле своем заботится: спорт, массаж – регулярно.

– Да-а-а, – протянул Крячко, что-то прикидывая в голове. – А у вас тут женщин красивых много, верно? Я сам видел! Макияж-маникюр-прически, маски всякие – и выходит королева этакая из кабинета! Наверное, пересекались с Романом Витальевичем, а?

– Знаете, – ответила Ольга Анатольевна, – насколько мне известно, Роман Витальевич романов на работе никогда не заводил. Я думаю, у него принцип такой. Хотя многие женщины его добивались, да что там – откровенно вешались! И это понятно: молодой, богатый, красивый. Есть на что позариться! Но он не обращал внимания. Я думаю, он этими красотками уже так пресытился, что и смотреть на них не хотелось. И я считаю, это правильно. Нельзя работу смешивать с личными отношениями, а то потом хлопот не оберешься! Да и жениться он не собирался, а женщинам ведь это в первую очередь нужно. Помню, одна уж так его атаковала! Прямо проходу не давала! Он старался вежливо с ней держаться, но нейтрально. Так она прямо сюда, в кабинет приходила! Ну, он ее чаем угостит и выпроводит. А однажды она такое устроила... – Ольга Анатольевна понизила голос до заговорщицкого шепота.

– Расскажите, пожалуйста! – тоном заядлого сплетника попросил Крячко и даже заерзал на стуле.

Секретарша бросила осторожный взгляд на дверь и стала рассказывать:

– Пришла она, значит, к нему поздно вечером, когда все занятия и процедуры уже закончились. Мы закрываться собирались, и я не хотела ее впускать, но она такая наглая – все равно прошла! Роман Витальевич один был. Не знаю уж, что она там ему говорила, только вскоре крики послышались. Я перепугалась до смерти! Думаю – идти не идти? Потом все же решила

постучать. Кричу – Роман Витальевич, у вас все в порядке? А тут дверь как распахнется, и вижу – он эту девицу за шиворот волочет! Блузка на ней разорвана, волосы растрепаны, помада размазалась! Я прямо оторопела! А он ее разворачивает и громко так заявляет: «Ольга Анатольевна, будьте свидетелем. Только что эта женщина пыталась обвинить меня в попытке изнасилования, сымитировав ее». Та шипит, царапается, как кошка, и все норовит ему в лицо попасть. И кричит, что сейчас, мол, в полицию пойду и заявление напишу, а твоей секретарше никто не поверит! А Роман Витальевич так спокойно ей отвечает – иди, сама себя на посмешище выставишь! У меня, говорит, камера в кабинете установлена, так что все записано, как было. Ну, она прямо аж затряслась от злости! А потом ушла, прошипев на ходу: «Ты у меня еще пожалеешь!»

– Ничего себе! Бывает же такое, а? – осуждающе покачал головой Крячко.

– И не говорите! – подхватила секретарша. – И главное, у нее совести хватило и дальше сюда ходить. У нее, видите ли, абонемент до конца года оплачен! Правильно, не пропадать же деньгам!

– А когда это было? – поинтересовался Стас.

– Да в январе, сразу после праздников. Может, она еще не протрезвела окончательно после Нового года, не знаю.

– А что, в кабинете действительно установлена камера?

– Понятия не имею, – призналась Ольга Анатольевна. – Может быть, он просто так ее припугнуть хотел. Я все голову ломала: зачем камера в кабинете? Там же и не бывает практически никого!

– Да, да... Действительно, вроде незачем, – согласился Крячко. – А фамилию этой женщины вы мне не скажете?

– Сейчас. – Ольга Анатольевна отодвинулась, щелкнула мышью и принялась искать нужный файл. – Мне ведь приходится и весь учет по клиентам вести, – то ли пожаловалась, то ли похвасталась она. – А тут такая прорва работы! Похлеще бухгалтерии!

Пока Ольга Анатольевна возилась со своими файлами в поисках нужного, Крячко раздумывал над тем, стоит ли в отсутствие Плисецкого проникнуть в его кабинет и осмотреть его на наличие камеры? Это можно было сделать двумя способами: легальным и нелегальным. Для легального надо было всего лишь убедить Ольгу Анатольевну отпереть кабинет. Для Крячко это не представлялось сложной задачей. Секретарше нужно лишь внушить, что от этого зависит благоприятный исход поисков Романа Витальевича и что Леонид Максимович за такое только похвалит. Так как она показалась Крячко весьма любопытной особой, то, скорее всего, согласилась бы.

А для нелегального вторжения в кабинет достаточно просто выпроводить куда-нибудь секретаршу под благовидным предлогом, причем постараться сделать так, чтобы она подольше не вернулась. Крячко уже осмотрел навскидку замок, открыть такой для него пара пустяков. И не над этим он ломал сейчас голову: при необходимости он нашел бы еще массу способов проникновения в директорский кабинет.

Волновало его другое: как потом объяснять Плисецкому свое самоуправство? Ведь если допустить, что камера все же существует, то на ней неминуемо отразится появление Крячко. И даже если он потом сотрет с пленки этот момент, все равно будет ясно, что ее трогали. Что там подумает Плисецкий о Крячко в этическом смысле, Станиславу было безразлично – на этику он плевать хотел. Он боялся спугнуть Плисецкого раньше времени, потому что по-прежнему не доверял этому человеку. Знакомство и беседа с ним не сняли в глазах Крячко подозрений с компаньона исчезнувшего Любимова, да это и беседой-то назвать нельзя было. В одном Крячко убедился стопроцентно: Плисецкий нервничал и явно чего-то недоговаривал. И показать ему сейчас, что он на подозрении, было бы тактически неверным ходом. Посему Стас решил все же отказаться до поры до времени от этой затеи. До того времени, пока он

хотя бы не встретится с Гуровым и не поделится с ним полученными сведениями, сопоставив с его.

– Вот, нашла! – произнесла Ольга Анатольевна, отрывая Крячко от его крамольных мыслей. – Круглова Любовь Владимировна.

– Адрес, телефон есть? – спросил Крячко.

– Адреса нет, а телефон есть. Вам продиктовать?

– Обязательно, – кивнул Крячко и достал из кармана пухлую записную книжку, которой пользовался в крайних случаях: все, что касалось письма, не вызывало у него положительных эмоций, и он больше надеялся на свою память. Посему записная книжка служила ему уже не один десяток лет и за эти годы существенно поистрепалась. Однако Крячко ее не выбрасывал, поскольку в ней на внутренней стороне тоже существовали кое-какие записи. Они были сделаны давным-давно, Крячко и сам уж не помнил, к каким людям и событиям имели они отношение. Дело в том, что, экономя место, Станислав использовал сокращения, смысл которых благополучно забывал. И когда доходило до нужного контакта, сам не мог понять, что обозначают эти, мягко говоря, странные записи.

Однажды весь отдел ломал голову над тем, что означает таинственное слово «стодор-жабд». Крячко даже обещал выставить пиво тому, кто первым догадается. Версии выдвигались самые разные, одна фантастичнее другой.

Разгадка пришла неожиданно, когда у Крячко заболел зуб. Причем так, что он начал опрашивать всех коллег на предмет рекомендации хорошего стоматолога. Тут-то он и вспомнил, что, когда этот зуб заболел у него еще полгода назад, жена посоветовала ему знакомого зубного врача и дала его телефон. Крячко позвонил, выяснил стоимость услуг, и она ему не понравилась. К тому же вечером на работе он выпил с сослуживцами граммов триста водки и заглушил, наконец, распоясавшийся нерв. Тогда-то он и записал над номером слово «стодор-жабд», что означало «Стоматолог дорогой – жаба душит».

Под диктовку секретарши Стас нацарапал девятизначный номер, пометив его рядом как «Истшанизн», что на его языке означало: «истеричка – шантаж – изнасилование».

Поблагодарив Ольгу Анатольевну, он уже собирался сворачивать беседу и уходить, как вдруг дверь в приемную открылась, и в нее без стука вошла женщина. Поначалу Крячко принял ее за клиентку комплекса: она выглядела очень ухоженной, со стильной прической, модно одетая. Стас мало разбирался в моде и женских тряпках, но и для него было очевидно, что одежда и украшения женщины стоят очень дорого, а прическу она, вероятно, делала в одном из лучших салонов Москвы.

Женщина была довольно высока, стройна, в изгибе ее рта чувствовалась натура сильная, уверенная в себе и несколько капризная.

– Добрый день, – небрежно бросила она, сразу направляясь к двери в хозяйский кабинет.

– А там заперто! – сообщила ей секретарша. – Леонид Максимович уехал.

Женщина повернулась, и в ее глазах мелькнули недоумение и недовольство.

– Давно? – уточнила она.

– Да с полчаса, наверное.

Посетительница нахмурилась и достала телефон – изящную штучку в золоченом корпусе. Набрав номер, она приготовилась ждать ответа, но, видимо, так и не дождалась, потому что отключила связь, стараясь скрыть досаду, и обратилась к секретарше:

– Он не сообщил, когда вернется?

– Увы, нет, – развела руками Ольга Анатольевна и повернулась к Крячко: – А вы не знаете?

Тут женщина, до этого не замечавшая его, волей-неволей обратила свой удивленный взор на Стаса. Ей и в голову не могло прийти, что этот простоватый мужичок в какой-то старой пухлой куртке с вещевого рынка может быть в курсе насчет возвращения хозяина комплекса.

Чуть приподняв искусно нарисованную бровь, она вопросительно смотрела на Крячко, ожидая, что он скажет.

– Он уехал на важную встречу, – произнес наконец Стас. – Возможно, она продлится долго.

– А вы кто? – прямо спросила женщина.

– А вы? – задал Крячко встречный вопрос.

– Это из полиции! – поспешила просветить незнакомку секретарша.

На этот раз у женщины взлетели обе брови. Повернувшись к Крячко и пройдясь по нему оценивающим взглядом, она усмехнулась уголками губ. Крячко, не прерывая возникшего молчания, достал удостоверение и, поднявшись со стула, раскрыл документ перед ее лицом. Та скользнула по нему глазами и чуть прикусила губу.

– Не думала, что у моего мужа могут быть проблемы с полицией, – проговорила она со странной интонацией, которой Крячко так и не понял: то ли скрытое злорадство, то ли неподдельное изумление. – Что ж, я, пожалуй, не стану ждать. Всего доброго, – и повернулась, собираясь уйти.

Крячко с удивительным для его комплекции проворством в один прыжок обогнал женщину и, встав у нее на пути, проговорил, улыбнувшись:

– Ну зачем же? Напротив! Мы как раз могли бы побеседовать с вами.

– О чем? – нахмурилась она. – Я совершенно не в курсе финансовых дел мужа.

– А с чего вы взяли, что я здесь по поводу его финансов? – удивленно спросил Стас.

– А почему еще?

– Да вот по поводу его компаньона, Романа Витальевича Любимова. Точнее, его исчезновения. Хотел вот спросить, что вы думаете об этом? Вы ведь дружите?

– Роман исчез? – неожиданно застыв на месте, спросила она.

– Во всяком случае, это первая версия следствия, – неуклюже выразился Крячко, но жена Плисецкого вряд ли была подкована в следственных формулировках.

Женщина еще пару секунд постояла, осмысливая услышанное, потом ее губы скривила какая-то усмешка, и она резко произнесла:

– На этот счет я еще менее в курсе, чем по финансам!

– Как же так? Вы ведь дружите... – напомнил Крячко.

– Мы не дружим! – категорически оборвала она его. – Не знаю, откуда вы это взяли. Так что я все же пойду, всего доброго! – И, круто развернувшись, решительно вышла из приемной.

– Светлана Владимировна не любит обсуждать личные дела, – оправдывая жену своего шефа таким тоном, словно она сама была виновата перед Крячко, проговорила секретарша. – Извините.

– Да ладно, я не барышня, – махнул рукой Стас. – Она что, действительно не в курсе? Или прикидывается?

– Не знаю, но вообще-то я бы не сказала, что они дружат. Во всяком случае, я никогда не видела их втроем. Светлана Владимировна здесь появляется нечасто, где-то примерно раз в месяц. И времени в кабинете проводит немного.

Помимо этого Ольга Анатольевна сообщила, что у Плисецких есть дочка лет десяти-двенадцати и что сама Светлана Владимировна не работает, а занимается ее воспитанием. Услугами центра «Гармония» не пользуется, ведет себя всегда корректно и холодно-отстраненно, а Романа Витальевича, кажется, недолюбливает. На вопрос Крячко, по какой причине, она развела руками, мол, понятия не имеет.

Собственно, на этом беседа с секретаршей можно было считать законченной. Разговаривать с бухгалтершей Крячко не видел смысла, а больше никого из персонала на этаже не было, за исключением юриста, но он, по словам Ольги Анатольевны, проходящий, и толку от него в плане сбора личных сведений было бы немного.

«Пусть этим Лева занимается!» – решил про себя Станислав и распрощался с секретаршей, сердечно поблагодарив ее за помощь следствию.

Спускаясь на второй этаж, он невольно был привлечен громкой фразой, донесшейся из коридора:

– Это преступление!

Крячко повернул голову: одна из дверей была открыта, и из нее показался мужчина в годах, невысокий, лысоватый и откровенно толстый. Красноватый цвет лица в совокупности с фигурой явственно свидетельствовали о том, что обладатель сего ведет, мягко говоря, нездоровый образ жизни. Взгляд мужчины был хмурым.

– Это преступление, Василий Порфирьевич, так поступать со своим здоровьем! Мы же с вами договорились, – послышался тот же рокочущий голос, а следом Крячко увидел стоявшего на пороге кабинета мужчину в белом халате. Он придерживал дверь кабинета и, прощаясь с Василием Порфирьевичем, давал ему наставления:

– Диету вы всю неделю соблюдаете строжайше – точно в соответствии с моими рекомендациями! Наверное, на этой неделе нарушали все-таки, а? – Мужчина в халате лукаво взглянул на Василия Порфирьевича, цвет лица которого стал еще гуще.

– Ну... Может, пару раз позволил себе лишнего, – пробормотал он.

– Ах, не лукавьте, Василий Порфирьевич, не лукавьте! – со смешком погрозил ему пальцем мужчина в халате. – Ведь это как раз тот самый случай, когда вы сами себя обманываете! Ну кого вы хотите ввести в заблуждение? Ведь мне по вашим показателям абсолютно ясно, что никакой диеты вы не соблюдали, а в тренажерном зале появились лишь один раз за неделю, к тому же безбожно халтурили!

Василий Порфирьевич стал совершенно бурным и топтался на месте, стыдливо пряча глаза. Ситуация для него усугублялась тем, что происходила на глазах постороннего человека, то бишь Крячко, при котором его этот жизнерадостный «пофигист» в белом халате отчитывал, как мальчишку!

– Вы же сами меня умоляли помочь вам сбросить вес! – громогласно вещал он на весь коридор. – Помните? Я вам даже приводил в пример нашего директора, Романа Витальевича, и он лично с вами беседовал! Вот с кого надо брать пример: ежедневные тренировки, бицепсы, ни грамма жира! Он, кстати, никогда не ест никаких гамбургеров или плюшек – только хлеб с отрубями! Конечно, для этого требуется сила воли, но зато результат налицо!

Крячко, услышав знакомое имя-отчество, невольно замедлил шаг, явно заинтересовавшись. Теперь ему уже очень хотелось задержаться, и он на ходу отчаянно придумывал повод для этого.

– Доктор, – тем временем жалобно проговорил Василий Порфирьевич. – Но ведь вы мне запретили не только хлеб с отрубями, а вообще любой! И макароны, и картошку, и рис... Но это же невозможно, так же нельзя! Я элементарно не наедаюсь!

– Компенсируйте это! – уверенно мотнул головой доктор.

Он был высок, кучеряв и буквально брызгал энергией и здоровьем. В отличие от Василия Порфирьевича, злоупотребляющего не только пищей, но, по всей видимости, и алкоголем, румянец на его лице был абсолютно здоровым и естественным. Завидный баритон, с которым можно было смело идти если не в оперу, то в оперетту уж точно, раскатисто разносился по длинному коридору.

– Налегайте на овощи, фрукты, бобовые! Я вам все очень подробно расписал! Составил самую сбалансированную диету и при этом максимально щадящую! А вы и ее нарушаете. И еще, я вам тысячу раз говорил: после занятий спортом не набрасывайтесь на еду!

– Но после занятий спортом я просто умираю от голода! – простонал Василий Порфирьевич.

– Дорогой мой! – с сочувствием произнес доктор. – А как бы вы выживали, если бы попали в экстремальные условия? Голод или, не дай бог, война?

– Не дай бог! – тут же подхватил Василий Порфирьевич с неподдельным ужасом на лице и, обратив внимание на топтавшегося рядом Крячко, поспешил воспользоваться этим и быстро распрощался с доктором, судорожно встряхнув ему руку и устремляясь в конец коридора к выходу.

– И не забывайте про упражнения для брюшного пресса! – прокричал ему вслед врач. Видя, как Василий Порфирьевич мячиком выкатывается на площадку к лифту, он с улыбкой покачал головой: – Эх, люди-люди! Вот типичный пример: человек живет, чтобы есть!

– М-да, – поддакнул Крячко для поддержания разговора. Он решил побеседовать с доктором, который, наверное, достаточно хорошо знал Любимова. – А вы диетолог?

Доктор с интересом перевел на него взгляд своих живых карих глаз, оценивающе скользнул по фигуре Крячко и ответил:

– Я, молодой человек, все! И диетолог, и терапевт, и психотерапевт, если хотите! Я обслуживаю клиентов «Гармонии», но вас вижу впервые.

– А я действительно здесь впервые, – честно признался Стас. – Вот, знаете, решил заняться собственной внешностью, здоровьем...

– Да, да, да! – тут же перебил его доктор. – Это совершенно правильно! Тем более что здоровье свое вы, молодой человек, явно запустили. Да и внешность тоже. Килограммчиков с десятков лишних набрали, пузико вон через ремень вываливается, щеки пообвисли! А вы ведь еще совсем не старый!

Крячко невольно втянул свой живот, чувствуя, как сам предательски краснеет. Это он-то, Станислав Крячко, которого вообще трудно чем бы то ни было смутить! Который даже плевок в лицо невозмутимо воспринимал как божью росу, чем приводил в бешенство многих злостных коллег-шутников и даже преступников, пытавшихся его уязвить!

Сейчас, услышав такую прямую и бесцеремонную оценку со стороны профессионала, он понял, что чувствовал Василий Порфирьевич, так спешно давший деру.

– А вот вы мне и помогите! Или слабо? – с неким вызовом уставился он на доктора.

– Мне-то не слабо, молодой человек, – ничуть не смутившись, рассмеялся тот. – Главное, чтобы не было слабо вам! Ибо я могу всего лишь дать вам рекомендации, а вот исполнить их за вас, увы, не могу.

– Так давайте начнем! – пожал плечами Крячко, тесня его в кабинет.

– Отлично! – обрадовался доктор. – Меня зовут Антон Семенович Молодцов. Позвольте узнать ваше имя?

– Станислав, – коротко отозвался Крячко, проходя в кабинет.

Антон Семенович посадил его перед собой и с ходу приступил к делу. Крячко был подвергнут самому тщательному опросу, длившемуся не менее получаса. Станислав, который сам привык быть в роли задающего вопросы, чувствовал явный дискомфорт от этого, но послушно и терпеливо отвечал, стараясь даже быть честным, ибо характер вопросов не предполагал какой-либо секретности.

Доктор измерил его давление, пульс, рост, вес, поинтересовался возрастом, привычками, кулинарными пристрастиями, образом жизни, количеством стрессов в неделю, семейной жизнью и даже регулярностью сексуальных отношений. Занеся все данные в компьютер, он дал Крячко для заполнения какие-то анкеты, а сам принялся двигать мышью, строя на экране непонятные графики. Крячко послушно ставил галочки, ломая голову над тем, как перейти к интересующему его вопросу. А интересовал его господин Любимов, а не методы похудения, над разработкой которых индивидуально для него и бился сейчас Антон Семенович.

Посему он решил не тратить время впустую и действовать напрямую.

– Вот я краем уха слышал, вы говорили, что ваш директор может служить примером для подражания.

– Что? – оторвал взгляд от экрана Молодцов. – Да-да, Роман Витальевич Любимов. Вот уж волевой человек! Прекрасная физическая форма, прекрасная! Сто отжиманий ежедневно, сто приседаний, плюс бассейн, плюс тренажеры... Правда, он и моложе вас...

– Дело не в молодости, – хмыкнул Стас. – Если постоянно заниматься спортом, то работу бросать придется. Это вашему Роману Витальевичу хорошо – он директор. А я – работяга!

– Напрасно вы так думаете! – воскликнул Антон Семенович. – Это поразительное заблуждение! Роман Витальевич постоянно в движении, и работать ему приходится не меньше, чем остальным сотрудникам, а гораздо больше! Вы, я вижу, никогда не были на руководящем посту?

– Да уж, не довелось, – признал Крячко.

– Вот видите! – попенял Молодцов. – Поэтому у вас такое искаженное представление. Скажите, а как часто вы выпиваете?

– По праздникам, – буркнул Стас, у которого были свои интересы в этой беседе, и они имели мало отношения к заботе о здоровье. – Скажите, а на фига ему все это нужно?

– Кому? – не понял доктор.

– Ну, этому вашему, Роману Витальевичу. Пашет, как лошадь, устает, наверное, как собака, а тратит столько времени на свою внешность. Он же не моделью работает! Или у него жена-раскрасавица, на двадцать лет моложе, что он пытается за ней угнаться?

– Нет, Роман Витальевич не женат, – просветил Молодцов Крячко, который уже знал об этом факте от секретарши. – И в модели не готовится. Просто он заботится о своем здоровье, развивает культуру тела. Знаете, в наше время эта культура утеряна, особенно в нашей стране. А вот, например, в Древнем Риме и Греции это было архиважно! Древние римляне, к примеру...

– Они плохо кончили, – мрачно прервал Крячко лекцию о древних римлянах, отказавшись ликвидировать пробел в своих знаниях. – Значит, у Романа Витальевича здоровье слабое, раз он о нем так заботится?

Молодцов перестал смотреть в экран. Вместо этого он с любопытством уставился на Крячко:

– Я не совсем понял – вы о своем здоровье заботиться собираетесь? Может быть, я вообще зря тут стараюсь, делаю расчеты?

– Не обижайтесь, пожалуйста! – Стас испугался, что доктор выставит его за дверь до того, как он успеет узнать то, что его интересует. – Я, наоборот, так сказать, пытаюсь перенять человеческий опыт. Интересная личность ваш Роман Витальевич! Вот бы мне побеседовать с ним самим! Можно это организовать? Я бы потом всем друзьям и знакомым рекомендовал ваш центр как уникальное заведение, в котором сам директор служит лучшей рекламой! – с намеком добавил он.

Молодцов слегка нахмурился и вздохнул:

– Увы, пока это невозможно. Роман Витальевич еще не вернулся с отдыха.

– Надо же, он все-таки иногда отдыхает! – с легкой иронией заметил Стас. – И скоро он вернется?

По еще более нахмурившемуся лицу доктора Крячко понял, что тот не знает, что ответить на этот вопрос. Наверное, он тоже был уже в курсе того, что директор центра не появился вовремя на работе. Возможно также, что до него дошли слухи о его исчезновении. Но обсуждать это с посетителем он, разумеется, не собирался, поэтому суховаато произнес:

– Как только вернется, я передам ему вашу просьбу. Скажите, а сколько сахара в день вы потребляете?

– Три ложки, – механически ответил Стас, не уточняя, что три ложки кладутся им в чай или кофе всякий раз, как он пьет эти напитки, а подобных случаев доходит до десяти. – А куда он отправился? Я бы тоже, может, съездил... Раз уж брать пример с человека – так во всем, верно? – подмигнул он доктору.

– Он улетел на Карибы, в Доминикану, – сказал Молодцов. – Я сам ему посоветовал. Чудное место, местный климат отлично успокаивает нервы. Сейчас как раз самый сезон!

– Понимаю, – с сочувствием кивнул Крячко. – Что ни говори, а быть директором – работа нервная. Да и вообще от работы кони дохнут. Я бы и сам с удовольствием на Карибы махнул! Скажите, а вот этот курс, что вы мне готовите, он на какой срок рассчитан?

– Полный курс должен занять не менее полугода. Это чтобы закрепить результат. Да-да, а что вы хотите? Чудес не бывает! Это только в мошеннической конторе вам предложат чудодейственные таблетки по заоблачной цене, которые якобы позволят вам за месяц сбросить до пятидесяти килограммов, ничего не меняя в своем рационе! А в итоге это будет обычная сода пополам с толченым мелом. Вы этого хотите?

– Нет, конечно. Но все же хотелось бы побыстрее! Неужели ничего не можете предложить? Я готов лучше отжиматься по сто раз в день.

Доктор просмотрел на него с любопытством, с сомнением пожевал губами и сказал:

– Давайте для начала пройдем первый коррекционный курс. Дальше будет видно. Кстати, я закончил с расчетами. Готовы ознакомиться с предварительными рекомендациями? Если они вас устроят, я составлю персональную методику – уникальную, лично для вас. Для этого мне нужно будет взять у вас ряд анализов. Не волнуйтесь, ничего страшного! Обычные анализы.

– Я с детства кровь сдавать боюсь, – поежился Стас.

– Ну что вы! – рассмеялся Молодцов. – У нас здесь суперсовременная методика, новейшее оборудование! Уверяю вас, вы даже ничего не почувствуете.

– А сколько это будет стоить? – в лоб спросил Крячко.

Доктор назвал сумму, и Стас невольно присвистнул.

– Молодой человек! – с укором в голосе проговорил Молодцов. – Ну разве это высокая плата? Ведь речь идет о здоровье! А здоровье – это самое главное!

– Да уж... И самое дорогое. Причем в буквальном смысле, – сыронизировал Крячко. – Нет уж, давайте сначала по предварительной методике.

– Но она не будет такой эффективной, – предупредил Антон Семенович. – Кстати, Роман Витальевич всегда проходит самое полное, самое тщательное обследование. Вообще, у нас принято подвергать обследованию каждого посетителя. Мы должны быть уверены, что у человека нет никаких противопоказаний для занятий на тренажерах, к примеру, или посещения сауны. Мы заботимся о наших клиентах, и это не высокие слова и не рекламный слоган! Поэтому и наличие грамотного врача в центре обязательно. Мы отвечаем за каждого клиента, и, что показательно, ни один из них не остается недовольным! И Роман Витальевич тут просто моя палочка-выручалочка! Когда я говорю клиентам, что наш директор имеет полную медицинскую карту, открытую в нашем центре, люди проникаются и тоже соглашаются на обследование.

– Ну понятно, чего не скажешь для привлечения клиентов, – кивнул Крячко. – У меня вот сын-студент летом, когда подрабатывал – флаеры раздавал на улице, в книжный магазин приглашал, он всем говорил, что их директор лично прочитал все-все книги!

Доктор Молодцов улыбнулся из вежливости.

В этот момент у Крячко зазвонил сотовый телефон. Это был Гуров.

– Стас, привет, ты где? – коротко спросил тот.

– А ты? – в свою очередь, поинтересовался Станислав.

– Я только что привез в «Гармонию» Плисецкого, стою у входа.

– Отлично, отъезжай метров на сто – я подтянусь.

Гуров не стал удивляться и задавать дополнительных вопросов, уточняя, почему ему нужно поступить именно так, и Крячко всегда считал это замечательной чертой своего друга. Услышав в трубке «Хорошо, жду!» – он отключил связь и повернулся к доктору:

– Что ж, Антон Семенович, огромное вам спасибо! Когда мне в следующий раз к вам прийти?

– Раньше чем через неделю не имеет смысла, – покачал тот головой. – Так что жду вас в следующую среду.

Крячко протянул руку, Молодцов с улыбкой протянул ему несколько листов с распечатанным текстом и рисунками физических упражнений, которые, надо полагать, ему следовало выполнять в течение этой недели, а также небольшую квитанцию.

– А это что? – крутя ее в руке, с недоумением спросил Стас.

– Счет, – продолжая улыбаться, пожал плечами врач. – Оплатите, пожалуйста, в кассу и не забудьте попросить у них карту «Стандарт» клиента нашего центра – тогда вам будет положена трехпроцентная скидка на последующие услуги. Стоимость карты – пятьсот рублей. Если вы хотите приобрести «Голд-карту», то ее цена составляет тысячу рублей, но зато по ней идет уже семипроцентная скидка. А если «Голд-премиум», то...

– Спасибо, понятно! – перебил доктора Крячко и, нахлобучив куртку, которую вынужден был снять, когда Молодцов измерял ему давление, вышел из кабинета.

Ни в какую кассу он, естественно, не пошел, а сразу направился на выход. На улице Стас раздраженно смял квитанцию и, швырнув ее в урну вместе с рекомендациями, насупившись, зашагал по улице, сунув руки в пухлые карманы куртки.

Гуров ждал его на углу. Крячко дернул ручку машины и сел на переднее сиденье.

– Я так понимаю, что результат твоих действий соответствует твоему виду. То есть больше часа времени потрачено впустую, – смерил его Лев внимательным взглядом.

– А сам-то? – огрызнулся Стас, который считал по-другому.

– Да и я тоже не особо продвинулся, – признался Гуров. – Но все же кое-что интересное есть.

И он рассказал о таинственном господине Бурове, у которого к Плисецкому и Любимову были серьезные претензии.

– Буров, Буров... – нахмутив брови, пробормотал Крячко. – Нет, не слышал! И из фээсбэшников никогда никто его не упоминал. Что это за чел такой?

– Да бандит обыкновенный, как мне кажется. Специализируется, скорее всего, на наркоте плюс держит несколько доходных мест. Возник не вчера, поскольку успел сколотить очень приличный капитал, иначе не раздавал бы так щедро свои кровно заработанные, – усмехнулся Лев.

– Так надо в наркоконтроле поинтересоваться, – сказал Крячко.

– Разумеется, и не только. С фээсбэшниками следует поговорить прицельно. Вообще, сейчас одна из основных задач – собрать материал на этого Букова. Мы должны знать о нем все.

– Задача номер один ясна, – кивнул Стас, – но я так понимаю, что есть еще и номер два, и три, и, может, даже четыре? Ты, Лева, явно поскромничал, когда сказал, что зря потратил время, – погрозил он другу пальцем.

– Не слишком, – возразил Гуров. – Задача номер два – узнать все о Роме Любимове, точнее, о его окружении. Не появилась ли в поле его зрения какая-нибудь знойная красотка? Не этим ли объясняются перепады в его настроении?

– Насчет красотки, Лева, не знаю, а вот насчет перепадов настроения у меня есть кое-какая информация, – заговорщицким тоном сообщил Крячко. – Ты вот меня несправедливо обвинил в бессмысленном протирании штанов, а я, между прочим...

– Тихо! – перебил его Гуров. – Смотри!

Мимо них на большой скорости проехал автомобиль, принадлежавший Плисецкому. Сам Леонид Максимович сидел за рулем и разговаривал с кем-то по сотовому телефону. При этом он был так возбужден и увлечен беседой, что не обратил внимания на машину Гурова, припаркованную у обочины.

Лев и Стас синхронно переглянулись, а затем Гуров, не советуясь, нажал педаль газа. Машина чуть отъехала назад, плавно развернулась и направилась вслед за автомобилем Плисецкого...

Глава 4

Сыщики ехали по дороге, внимательно следя за маячившим впереди малиново-красным «Рено» Плисецкого. Гламурный цвет машины был сейчас им на руку: он хорошо выделялся среди других машин, и Гуров мог себе позволить приотстать на достаточное расстояние, чтобы Плисецкий их не заметил. Но тот, кажется, совершенно не следил за тем, что происходит вокруг, а сосредоточенно смотрел только вперед и гнал автомобиль на приличной скорости. Таким образом можно было «вести» его сколь угодно долго, но поездка закончилась очень быстро: проехав светофор, Плисецкий остановил машину возле...

Гурову пришлось сбавить скорость, после чего он припарковался метрах в пятидесяти от автомобиля Плисецкого, который тем временем достал свой телефон и, выйдя из машины, начал на ходу разговаривать, осматриваясь по сторонам и крутя головой то налево, то направо.

– Похоже, у нашего Леонида Максимовича тайное свидание, – заметил Лев, наблюдая, как из торгового комплекса вышла женщина и направилась к Плисецкому.

– Думаю, вы ошибаетесь! – самодовольно возразил ему Крячко. – Держу пари, что эта женщина – его жена!

– Но как вы догадались, Холмс? – с притворным восхищением воскликнул Гуров.

– Это элементарно! – осклабился Стас. – Полчаса назад она сама мне об этом сказала!

– Ясно. И что еще полезного она тебе сообщила?

– Да ничего! Полезного во всей этой встрече лишь то, что она отказалась со мной беседовать, чем-то явно озаботившись, когда узнала, что я из полиции. Более того, не стала дожидаться своего супруга и ушла. А сама, вишь, созвонилась с ним и назначила встречу. К чему такая спешка? Не могла дома дождаться? И почему встреча на нейтральной территории? Почему бы ей спокойно не подождать своего благоверного в «Гармонии», в комфортных условиях, а? Маникюрчик бы пока сделала, причесочку там...

– Ну, думаю, она в этом не нуждается, – усмехнулся Гуров. – Она и так, что называется, вся из себя до кончиков ногтей.

– Э, не скажи, Лева! Нет предела совершенству! Особенно если ты женщина.

Тем временем Светлана Владимировна – а это действительно была она – подошла к Плисецкому совсем близко. Разумеется, сыщики не могли слышать, о чем они беседуют, находясь на расстоянии в полсотни метров, да еще в машине.

Супруги перебросились несколькими отрывочными фразами, после чего Плисецкий, снова покрутив головой, повел жену к дверям, вывеска на которых гласила, что это «Спорт-бар».

– Не самое подходящее место для встречи с женой, – глубокомысленно заметил Крячко. – Это говорит о чем? О том, что встреча эта спонтанная! То бишь незапланированная.

– Не факт, – возразил Гуров. – Сам же говорил, что она приходила к мужу на работу – значит, заранее хотела с ним встретиться. Ты вот лучше, уважаемый, коль уж наглým образом примерил на себя роль Шерлока Холмса, скажи, что нам дальше делать!

– Ну, не все же тебе в этой роли ходить, а мне довольствоваться ипостасью милого простоватого Ватсона! – парировал Стас.

– Она тебе очень идет! – не остался в долгу Гуров.

– Потому что простоват?

– Потому что мил!

– Слушай, Лева, без дураков, что делать-то станем? Мы с тобой оба засвечены: тебя знает Плисецкий, меня – они оба. А в бар просто так не зайдешь...

– Ну, если ты готов применить один из коронных трюков лучшего сыщика в истории детективов, лавры которого не дают тебе покоя...

Крячко непонимающе уставился на друга.

– Маскировка, – снисходительно пояснил Лев. – У тебя случайно накладной бороды с собой нет? И темных очков заодно.

– Да ну тебя, Лева! – в сердцах проговорил Станислав. – Лучше бы придумал, что делать!

– Ничего, – пожал плечами Гуров. – В Главк надо ехать. По дороге ты мне расскажешь, что все-таки успел выяснить, а я с тобой уже поделился своими сведениями. Потом мы их выложим Петру и вместе проанализируем.

– Очень здорово! И профукаем самое интересное! – разочарованно воскликнул Крячко.

– А почему ты решил, что в этой встрече есть что-то интересное?

– А потому что чую! Чую своим самым главным органом! – постучал себя по груди Стас.

И тут в дверях «Спортбара» снова показались Плисецкие. Однако они не пошли к машине Леонида Максимовича, как рассчитывали сыщики, а быстро распрощались и разошлись в противоположные стороны: муж к своему автомобилю, а женщина пошла вперед и вскоре миновала машину Гурова. На перекрестке она остановилась, быстро поймала такси и уехала.

Гуров с Крячко переглянулись.

– Наверное, Плисецкий собирается вернуться в центр, – пожал плечами, предположил Лев.

– Лева! Вон он! – шепотом произнес Крячко. – Он приближается!

Гуров быстро взглянул в зеркало и увидел, как автомобиль Плисецкого движется по проезжей части в их направлении. Выругавшись сквозь зубы, он дал по газам, чтобы успеть исчезнуть из поля зрения и не оказаться замеченными. Плисецкий ехал не торопясь, в то время как Гуров рвался к перекрестку, дабы успеть проскочить его на зеленый сигнал светофора.

Увы, ему это не удалось: светофор уже мигал, переключаясь на красный сигнал, когда автомобиль с сыщиками подлетел к перекрестку. Пришлось остановиться. Взглянув еще раз в зеркало заднего вида, Лев увидел позади, левее их, машину Плисецкого, стоявшую в среднем ряду, в то время как они находились в правом крайнем.

– Уймись, Станислав, – проговорил Гуров спокойно. – Даже если он нас увидит, вряд ли решит, что мы за ним следили. А если и решит – его проблемы. Мне вообще не нравится, что он от нас явно что-то скрывает.

Плисецкий за это время успел продвинуться ближе, и теперь Лев явственно видел, что Леонид Максимович в машине не один. Рядом с ним сидела какая-то женщина. Худощавая, угловатая, с птичьим треугольным лицом, которое отнюдь не украшали очки с зауженными углами. Все в ней было каким-то острым и неправильным. Она что-то говорила Плисецкому, периодически вскидывая тонкие руки.

– Ну, дает мужик! – выдал свой вердикт Крячко. – Практически не таясь от жены, катает любовницу! А ты говоришь, трус!

Гуров ничего не ответил, продолжая наблюдать за парочкой.

Когда сигнал светофора сменился, он проехал перекресток, а затем сбросил скорость, пропуская Плисецкого вперед. Кажется, они напрасно волновались, что он их заметит: Леонид Максимович вообще не обращал внимания на то, что делается вокруг.

– Ну что, Лева? Теперь можно и проследить! – сказал Крячко, и Гуров не стал возражать.

Не спеша, стараясь держаться на почтительном расстоянии, он ехал за машиной Плисецкого.

Бизнесмен доехал до супермаркета, остановился и вышел из салона. Гуров подумал, что он собирается что-то купить в супермаркете, однако Плисецкий обогнул машину, открыл дверцу пассажирского сиденья и помог выбраться женщине.

Глазам Гурова и Крячко предстали тоненькие, искривленные ножки, на которых женщина держалась с трудом. Плисецкий подал ей складную металлическую палочку-трость, она

одной рукой оперлась на нее, а второй ухватила за Плисецкого, и так они двинулись к подъезду.

– Ничего себе любовница! – растерянно произнес Крячко. – При такой-то красотке жене!

– Неизвестно еще, кто она ему, – негромко отозвался Гуров. – Но я обязательно это выясню.

Он посмотрел на табличку с номером дома и сфотографировал ее на телефон. Затем, ни слова не говоря, развернул автомобиль и поехал в обратном направлении.

– Что, дожидаться не станем? – спросил Крячко.

– А смысл? Чтобы проследить, как Леонид Максимович вернется в «Гармонию»? К тому же неизвестно, когда он выйдет. Так что едем в Главк.

– Ладно, как скажешь, товарищ начальник, – пожал плечами Крячко.

По дороге Крячко поделился с Гуровым информацией, полученной в спортивно-развлекательном центре «Гармония». Рассказал о своем знакомстве с доктором Молодцовым, упомянув при этом и Василия Порфирьевича, и секретаршу Ольгу Анатольевну, с которой установил почти неформальные отношения.

Пока Крячко вещал, они как раз доехали до Управления.

– Значит, настроение у Любимова действительно претерпело метаморфозы... – задумчиво произнес Лев.

– Чего? – нахмурился Крячко. – Я этого не говорил!

– Да это и без тебя несложно догадаться!

– Ах вот так, да? – взвился Стас. – Умными словечками меня уесть решил, да? Ну, вот и сиди вместе с Орловым, ему кидай свои словечки! Он, кстати, сам в них ни бельмеса не понимает, только признаться ему в этом должность не позволяет, вот и кивает с умным видом. А я пошел анализировать свой бесценный материал, выделяя из него кристаллы фактов!

И он вышел из машины, намеренно бахнув громко дверью, потому что знал, что Гурова от такого святотатства начинает аж колошматить. Поморщившись, тот поставил автомобиль на сигнализацию и, поднявшись наверх, пошел прямо к Орлову.

– А Крячко где? – увидев Гурова в одиночестве, спросил генерал-лейтенант.

– Кристаллы выделяет! – усмехнувшись, ответил тот.

– Че-го? – уставился на него Орлов из-под очков. – А ну-ка, быстро его сюда! Впрочем, я сам!

Он набрал номер телефона и двумя емкими фразами объяснил Станиславу, почему тот через минуту должен быть в его кабинете. Крячко явился очень быстро и с недовольным видом уселся на стул, показывая своим видом, что самодур начальник отрывает его от работы.

Но Орлову было не до закидонов Стаса: его волновало продвижение расследования, и он махнул рукой Гурову, чтобы тот начинал.

Генерал слушал внимательно, постукивая пальцами по крышке стола, что означало у него мыслительный процесс. Гуров уже по дороге в Главк созвонился со знакомыми коллегами из наркоконтроля и попросил сведения по Бурову. Там обещали подготовить материалы и прислать.

– Я свяжусь с ФСБ, – утвердительно кивнул Орлов. – Занимательная личность этот Буров. Но я о нем тоже, признаться, не слышал.

– Это потому, что не нашего ведомства ягода, – поделился своей мыслью Гуров. – Если кто и имеет на него зуб, то не наш отдел.

– Ладно, с этим ясно, – кивнул Орлов. – А у тебя что, Крячко?

Станислав посопел и, поглядывая на Гурова с обидой, поделился своей информацией. Она была куда обширней, чем у Гурова, и Орлову неоднократно приходилось просить Крячко рассказывать покороче.

– Вот если бы не дергали меня, пока я не подготовился, то и времени на рассказ ушло бы меньше, я успел бы все привести в нужную форму.

– Ага, кристаллическую, слышал, – усмехнулся Орлов. – Давайте-ка вместе подумаем. Значит, что мы имеем? Роман Любимов, успешный бизнесмен, не обремененный семьей и детьми и одержимый заботой о своем здоровье и внешнем виде, всю осень мается от тоски и депрессии. При этом вместе со своим компаньоном заключает договор с неким бандитом Буровым о кредитовании крупной суммы и занимается новым бизнес-проектом. К концу зимы настроение Любимова вдруг резко меняется, и он решает поехать отдохнуть в Доминикану, откуда не возвращается вовремя. А у его компаньона возникают серьезные финансовые проблемы, которые он не может решить по причине отсутствия господина Любимова. Сам Плисецкий при этом ведет себя несколько подозрительно, особенно непонятными выглядят его отношения с супругой и весть о том, что Любимов, возможно, уехал в Доминикану с новой пассией. И о чем все это может нам сказать? – Генерал обвел взглядом своих подчиненных, явно ожидая услышать ответ от них.

– У меня две версии, – высказался первым Крячко. – Любимов просто свалил, прикарманив деньги. Получив от Бурова на свой счет, он их либо обналичил, либо перевел еще на какой-то счет. Заниматься бизнесом ему надоело, а может, он решил, что этих денег ему будет вполне достаточно, вот и свалил вместе с какой-нибудь юной красоткой. Лежит сейчас с ней где-нибудь на пляже в этой самой Доминикане, попивает себе текилу и в ус не дует.

– На Карибах текилу не пьют, – возразил Гуров. – Там пьют ром. И вообще мне эта версия не кажется правдоподобной. Посуди сам: он не продал ничего из своего имущества – а оно, заметь, у него немаленькое! Одна четырехкомнатная квартира в центре Москвы в новостройке сколько стоит! А машина? По словам Плисецкого, у него новенькая «Х7». А загородный дом? А прочее имущество? Он что, все это оставил просто так, ради половины суммы, полученной от Бурова? Так разница-то, поди, не слишком большая получится!

– А может, ему просто нужно было свалить? – стоял на своем Крячко. – Может, у него еще какие-то проблемы нарисовались, вот он и свалил от них в Доминикану?

– Прошу прощения, что перебиваю ваш увлекательный диалог, но позвольте и старому бесполезному пню внести свою лепту, – прокашлявшись, заговорил Орлов. – Я сделал запрос и уже получил ответ, что Роман Витальевич Любимов не вылетал из Москвы в Доминикану. Среди пассажиров всех рейсов, отправляющихся туда, он не зарегистрирован.

– Так, может, не в Доминикану, а... – попытался встрять Крячко, но генерал жестом остановил его:

– Роман Любимов вообще не числится среди пассажиров рейсов, вылетающих куда бы то ни было: ни за границу, ни на территории Российской Федерации! И я надеюсь, что вы примете это обстоятельство к сведению!

После этого в кабинете повисла тишина. Правда, она была недолгой, уже через полминуты Крячко неуверенно спросил:

– А поезда?

Орлов смерил его выразительным взглядом и, словно разговаривая с несмышлеником, произнес:

– Станислав, неужели ты думаешь, что, если бы он числился среди пассажиров поезда, я бы об этом умолчал и начал с авиа рейсов?

– Да ладно, ладно, понял я! – махнул рукой Крячко. – Ну а автомобиль? Что ему мешало отправиться на отдых на машине?

– В Доминикану? – съязвил Гуров. – На всякий случай просвещаю тебя, что она находится на Гаити. А Гаити – это остров. А остров, Станислав, это часть суши, со всех сторон окруженная водой! Со всех сторон, Станислав!

– Да пошел ты!!! – не выдержав, заорал Крячко. – Долго со мной, как с идиотом, разговаривать будете? Нашли тоже дурачка! Ежу понятно, что ни на какие Карибы ваш Любимов не поехал, а это еще раз свидетельствует в защиту моей версии, что он просто свалил, ясно?

– Автомобиль Любимова остался в Москве, – сообщил Орлов, оставляя без внимания гневный выпад Крячко, но на всякий случай делая Гурову знак сбавить обороты. – Проверили – он по-прежнему стоит у него дома в подземном гараже.

– А ему ничего не мешало поехать на автомобиле своей девицы! Он вообще мог купить автомобиль и оформить на нее! – бушевал Крячко. – И мне вообще непонятно, почему вы отказываетесь признавать столь очевидные вещи! Ну, жаба душит – понятно, но вы ж все-таки профессионалы, сыщики! Должны понимать, что в моих словах есть резон!

– Резон, конечно, есть, – согласился Гуров. – Но я тебе уже привел контраргумент – как он мог бросить имущество?

– А с чего ты вообще решил, что он ничего не продал? Мы же этого не знаем! Может, он сначала все на свою девицу оформил и от ее имени продал, просто никто об этом не знает? А он уже давно «бабки» получил и сидит на своей вилле – пусть не в Доминикане, так где-нибудь в Испании или вообще в Австралии! И, всего вероятнее, с фальшивыми документами! Потому что, если он решил скрыться от такого человека, как Буров, надо быть совсем без мозгов, чтобы ехать под своим именем и рассчитывать спрятаться в какой-нибудь другой стране!

– Молодец, Станислав, – похвалил Орлов. – Мы это тоже обязательно проверим. Да я и сам думал, но, понимаешь...

– Понимаю, – язвительно сказал Крячко. – Пока я не озвучил, ты до этого не додумался!

– Нет, просто мы не можем сделать официальный запрос! – развел руками Орлов. – Делать нет! Никто в банке не сообщит нам состояние счета Любимова, равно как и никто из нотариусов не скажет, каким имуществом он владеет, вот в чем загвоздка! А без этих сведений нам очень трудно продвигаться вперед. Да еще и невозможность побеседовать с родителями Любимова! Действительно, не хочется пугать стариков раньше времени. Не дай бог, случись с ними что – потом не простишь себе. К тому же, а вдруг сын вернется живой и невредимый! Эх, придумать бы, как ускорить процесс! У тебя, Стас, нет каких-нибудь идей?

– Есть, – мрачно сообщил Крячко и, поймав заинтересованный взгляд Орлова, добавил: – Пойти и выпить! А то, ей-богу, без ста граммов с вами разговаривать совершенно невозможно!

– погоди, Стас! – остановил его Гуров. – После работы напьешься. Какая твоя вторая версия? Хочу сравнить, совпадает ли она с моей.

– Что, самому себе не доверяешь? И Крячко иногда нужен?

– Стас, ты всегда нам нужен, – елейным голосом проговорил Орлов, который уже чувствовал себя виноватым за то, что с утра неволью сам поджег костер вражды, который теперь разгорался.

– Любимова грохнул Плисецкий! – гордо сообщил Крячко.

Но Гуров не дал ему насладиться эффектом – он тут же спросил:

– Зачем?

– За деньги, – не задумываясь, бросил Стас.

– За какие деньги, о чем ты? Плисецкий остался должен Бурову, причем еще и ту сумму, которая числится за Любимовым! На фига ему это надо?

– Это Плисецкий так говорит, – с нажимом произнес Крячко. – А у меня нет оснований ему доверять, потому что этот человек явно темнит и что-то скрывает.

– А зачем тогда он вообще инициировал это расследование? – недоверчиво спросил Орлов.

– Да затем, чтобы на него никто не подумал! Что, разве не было таких случаев? А потом, когда Любимова найдут – если найдут, конечно, – он будет театрально сокрушаться и невзначай напоминать, что он подозревал нечто подобное, а к нему самому никаких претензий!

Все помолчали. Версии, высказанные Крячко, в принципе имели право на существование. Собственно, Орлов с Гуровым понимали, что другой, третьей, у них и не было. Трудность заключалась в том, как проверять эти версии? Искать труп Любимова? Где? По всей Москве? За МКАДом, в близлежащих лесах? Искать доказательства вины Плисецкого? Тоже непонятно, как. Следить за ним бессмысленно – если он уже совершил свое преступление, то и от следов избавился, ставить на «прослушку» – тоже, потому что вряд ли он станет обсуждать с кем-то подробности совершения убийства, да еще и по телефону. Плюс отсутствие официального дела! Оно очень здорово все тормозило. А завести дело Орлов, в общем-то, мог – дать распоряжение, но в таком случае есть огромная вероятность повесить на себя «висяк». И получится, что Орлов, всегда стремившийся их избегать, повесит на отдел «висяк» своими руками, чего подчиненные ему точно не простят.

Словом, сыщики находились в задумчивости. Из этого состояния их вывел возглас Крячко:

– Шерше ля фам!

Орлов и Гуров синхронно обратили свои взгляды на Станислава.

– Я говорю, бабу надо искать! – снисходительно сообщил тот вольный перевод с французского. – Ту самую, с которой предположительно мог свалить Любимов. Таким образом мы хотя бы одну версию проверим! Если выяснится, что баба была – значит, все проще пареной репы: с ней Любимов и удрал. Ну а если нет, значит... – Крячко смерил всех взглядом, наполненным драматизмом, и со вздохом закончил: – Значит, искать Любимова не имеет смысла. Во всяком случае, живого.

– Ну, тогда тебе и карты в руки! – поддержал его Орлов. – Ты же, Стас, на личные темы, касающиеся Любимова, общался больше всех. Вот и вспоминай: были намеки на женщин?

– Нет, – покрутив головой, ответил Крячко. – В смысле, намеков было достаточно, то есть баб всяких было достаточно – секретарша говорила, что вокруг него кто только не увивался, – а вот чтобы кто-то конкретный – нет.

– Может быть, у Плисецкого спросить? – предложил Орлов. – Я сам могу ему позвонить.

– Не надо! – решительно возразил Крячко. – Во-первых, он соврет, во-вторых, думаю, что он не в курсе. Лева же говорил, как он призадумался, когда он ему намекнул насчет того, что Любимов влюбился и уехал со своей пассией.

– Может, потому и призадумался? – вступил Гуров. – Я все же попытаюсь переговорить с ним об этом. А ты, Стас, расспросил бы еще раз секретаршу и остальной персонал. Роман Любимов, я так понял, там фигура популярная, его многие знают. Что называется, близкая к народу. Врач его даже в пример пациентам приводит!

– Что же, мне опять туда тащиться и по второму кругу сплетни собирать? – возмутился Крячко.

– Стасик, но ведь с такой ювелирной работой никто лучше тебя не справится, – улыбнулся Гуров. – Что тебе стоит получить еще один кристалл?

– Нет, – решительно заявил Крячко. – Не стбит. Я созвонюсь с секретаршей и задам ей этот вопрос прямо. Кстати... – Он вдруг нахмурился и задумался. – Забыл совсем! Она там рассказывала среди прочего, что у Любимова произошел инцидент с одной из клиенток. И как это у меня из головы вылетело! А все потому, что Лева только свою информацию ценной считает, а мои сведения в грош не ставит.

– Клевета! – бросил Гуров. – Что за инцидент?

Крячко пересказал неприятный эпизод с попыткой обвинения Любимова в изнасиловании и в конце добавил, достав свою записную книжку:

– Зовут дамочку Круглова Любовь Владимировна. Я тут вот и телефончиком разжился, так что начну-ка я со звонка ей. – И он, что называется, не отходя от кассы, достал свой телефон и набрал номер: – Алло? Любовь Владимировна? День добрый... Это вас беспокоит один интересный мужчина... По какому поводу? Да вот хочу пригласить вас в одно уютное местечко... Зачем? Любовь Владимировна, голубушка, ну не заставляйте меня сразу раскрывать все карты и нарушать интригу! Пусть это станет для вас приятным сюрпризом. Как вам ужин на двоих в романтической обстановке? Не понравится – вы в любой момент можете уйти. Ну что? Заинтриговал? – Крячко обаятельно улыбнулся, явно жалея, что Любовь Владимировна сейчас не видит его улыбки. – Отлично, значит, в семь у Никитских ворот... А я сам вас узнаю! Все, договорились, до встречи! Жду с нетерпением.

Продолжая улыбаться, Крячко отключил связь.

– Как тебе удалось так сразу ее уговорить? – спросил Орлов.

– Учитесь, пацаны! – снисходительно бросил Крячко и поднялся. – Впрочем, обаянию и привлекательности научиться нельзя! Это врожденное!

– Посмотрим, что будет, когда она увидит тебя вживую! – усмехнулся Лев, оглядывая напарника.

Не первой свежести рубашка с расстегнутым воротом и закатанными рукавами, мятые брюки, щетина на щеках – проспал утром лишние полчаса, в итоге на бритье времени не осталось, да и лень было, – общая неухоженность в облике никак не делали из Станислава покорителя женских сердец. Сам же Крячко то ли этого не замечал, то ли ему было глубоко на это плевать.

– М-да, – выразительно произнес Гуров. – Боюсь, что свидание закончится полным провалом!

– Обломись! – гордо проговорил Крячко. – Короче, я пошел, а вы тут сидите, завидуйте!

– Постой, а куда это ты собрался? – нахмурился Орлов. – До конца рабочего дня еще два часа!

– Так мне же нужно успеть себя в порядок привести! Вон и твой любимчик Лева говорит, что негоже в таком виде идти. Так что пойду себя усовершенствовать. Хотя улучшать Станислава Крячко – только портить. Кстати, ты мне не подкинешь из казенных денег на новый имидж? Все-таки это служебное задание, как-никак...

– Обломись! – сердито передразнил его Орлов. – Был бы еще толк от этого имиджа! Как ты вообще собираешься строить с ней беседу? Кем представляться? Подожди, сядь! Расскажи сначала.

– А это, дорогой Петр, мои личные секреты успеха расследования, которыми я ни с кем не делюсь! – усмехнулся Крячко и, весело насвистывая, двинулся к дверям. Там он обернулся и добавил: – Да, если моя Наташка будет вдруг интересоваться, почему от меня женскими духами пахнет, вы уж подтвердите, что это служебное задание!

Орлов посмотрел на Гурова, но тот только махнул рукой – дескать, пускай идет. Когда за Крячко закрылась дверь, он сказал:

– Итак, за мной Буров. Плюс вот еще что: нужен опрос дэпээсников, дежуривших двадцатого февраля на выезде из Москвы. На случай, не видел ли кто из них Любимова в автомобиле. Вдруг опознают? И запись с камер надо посмотреть. Шанс маленький, конечно, но, учитывая, что у нас и так материала негусто, проверить стоит, пусть сержанты займутся. Дальше. Нужен доступ к финансовым и юридическим документам центра «Гармония». У него должно быть какое-то официальное юридическое название. Нас сейчас интересует, какие точно отношения связывают компаньонов, то бишь кому какая доля принадлежит, каковы состояния счетов и прочее. Кроме того, кто становится владельцем центра, если один из хозяев исчезнет с горизонта. То есть мы должны опираться не на слова Плисецкого, а на факты. И в связи с этим я прошу тебя самому ему позвонить и все это объяснить. Пусть даст доступ к документам.

В версии Крячко ведь на самом деле есть резон. Мне тоже Плисецкий кажется фигурой подозрительной. И кому как не компаньону может быть выгодно, чтобы Любимов пропал? Мы же точно не знаем, как обстоят дела на самом деле. Может быть, и с Буровым все не так, как рассказал мне Плисецкий.

– А может, тогда не вводить его в курс дела? Он же может подsunуть нам «липу»! – заметил Орлов.

Гуров согласился с этим замечанием и посмотрел на часы.

– Так, над этим надо подумать. Сегодня все равно уже ничего не получится. До завтра я постараюсь сообразить, как сделать это лучше. И дальнейшие действия будем обсуждать после проверки документов. А там, глядишь, и Крячко что-нибудь интересное подкинет.

– Ой, не знаю! – с сомнением покачал головой Орлов. – У меня создалось впечатление, что он просто водит нас с тобой за нос! Что он может узнать на этом свидании? И что вообще эта дамочка может знать о Любимове, о том, где он сейчас? Развлекается Крячко просто-напросто, время впустую тратит!

– Ну, у нас все равно возможностей дальнейших действий кот наплакал, – с сожалением возразил Гуров. – Пусть хоть что-то делает! Пока нет фактов – о Бурове, о фиксации местонахождения Любимова, о финансовом положении дел в спортивно-развлекательном центре, – у нас руки связаны!

– Ладно, ладно, защитничек, – проворчал Орлов. – До завтра думай, а утром переговорим.

Гуров поднялся и, попрощавшись с генералом, вышел из его кабинета. На душе у него отчего-то скребли кошки.

На следующее утро, когда Лев пришел на работу, его окликнул дежурный и передал пухлый конверт с документами. Он не стал вскрывать его на ходу, а прошел в свой кабинет. Станислава Крячко еще не было. Гуров сел за свой стол, ножом для разрезания бумаги вскрыл объемный конверт и стал просматривать содержимое. Это были материалы по Бурову Всеволоду Степановичу. Моментадно заинтересовавшись, Лев углубился в чтение. Информация оказалась обширной и очень занимательной.

В тысяча девятьсот девяносто третьем году фамилия Булова впервые всплыла в базе, содержащейся в правоохранительных органах. На тот момент это был особый отдел по борьбе с бандитизмом. Буров был во главе одной из группировок – впрочем, недолго. Группировка распалась, а Всеволод Степанович переквалифицировался в коммерсанты, занявшись продажей различной техники. Затем его следы затерялись на несколько лет. Позже Буров «всплыл» уже как солидный бизнесмен, хозяин нескольких магазинов оргтехники и нескольких фабрик по производству кондитерских изделий. По данным ФСБ, они служили прикрытием для изготовления «паленой» водки, а также наркотиков. «Накрыть» Булова пытались неоднократно, и всякий раз безуспешно: во время рейдов в его цехах было чисто, как в операционной. фээсбэшники полагали, что его кто-то предупреждает, но выявить стукача им так и не удалось. Были сведения, что Всеволод Степанович не гнушается и продажей оружия, однако сведения эти были совсем хилыми и явно недостаточными для того, чтобы брать его с поличным. Налоги Буров платил исправно, и с этой стороны к нему претензий не было. У Булова имелись жена и дочь, которые уже много лет проживают в Лондоне. Сам Буров ездит в Лондон не чаще раза в год, предпочитая проводить время в более теплых краях. Это то, что касается официальных данных.

По неофициальным, у Булова было прикрытие в лице чиновничьей братии, но эти данные были помечены как непроверенные. Имелась у него и своя охрана, состоявшая из нескольких человек, двое из которых были отъявленными головорезами, получившими в свое время солидный срок, но вышедшие на свободу раньше его завершения – опять же, как считали осо-

бисты, не без помощи Бурова. Оба они в свое время являлись членами той самой группировки, что возглавлял Всеволод Степанович. К материалам приобщались фотографии обоих и подписи: Клещов Владимир Павлович и Заманихин Виктор Богданович. Остальные «сотрудники службы безопасности» были бывшими ментами, по тем или иным причинам покинувшими органы, спортсменами и просто физически развитыми людьми.

Упоминалось здесь и о совершенном пять лет назад убийстве некоего бизнесмена Глоткова – негласного конкурента Бурова, с которым они якобы не сумели договориться о цене. Спустя три дня после их встречи Глотков был убит. В убийстве подозревали начальника охраны Бурова Виктора Заманихина, но собрать достаточных улик так и не удалось, и он проходил как свидетель. А потом и дело перешло в разряд «висяков».

Из родственников в России у Бурова есть родной брат, с которым они практически не поддерживают отношений, а также престарелая мать, проживающая в Питере.

Прочитав материалы, Гуров задумался. Фигура Бурова стала ему более понятной – собственно, примерно что-то такое он и предполагал. Но света на отношения с совладельцами спортивно-развлекательного центра «Гармония» материалы эти не проливали...

На столе у Гурова зазвонил телефон, и он снял трубку.

– Лева, Крячко пришел? – послышался голос генерал-лейтенанта Орлова.

– И тебе доброе утро, Петр Николаевич! – отозвался Лев. – Нет, пока не пришел.

– Ясно. А ты чем занят?

– Просматриваю материалы по Бурову. Меня тут кое-что заинтересовало, могу поделиться.

– Потом поделишься, давай срочно ко мне в кабинет!

Пожав плечами, Гуров положил трубку, убрал документы в стол и, заперев его на ключ, направился к генералу. У него в кабинете сидел мужчина, в котором Гуров узнал одного из судмедэкспертов, работавших в морге. Фамилия его была Волков.

Поздоровавшись, Лев сел на стул и вопросительно посмотрел на Орлова. Тот, в свою очередь, кивнул на эксперта и сказал:

– Виктор Павлович, расскажи-ка полковнику Гурову то, что говорил мне.

– Не знаю уж, может, и зря вас беспокою, – вздохнул эксперт.

– Ладно, ладно, хватит расшаркиваться, у нас не институт благородных девиц, – насмешливо произнес Орлов. – С каких пор наши циничные патологоанатомы стали вдруг такими нежными?

Волков проглотил слова генерала и начал докладывать:

– Привезли мне вчера ближе к ночи труп – бомжик какой-то замерз в Битцевском лесопарке. Ну, замерз и замерз, хотя сейчас уже сезон обморожений прошел, смерти от переохлаждения потихоньку на спад идут. Я вообще хотел его до утра оставить, но все же взялся. Думал, быстро управлюсь. А там... В общем, мужик совсем еще не старый, лет тридцать пять – сорок. Из одежды на нем – обноски какие-то потрепанные. Лицо, правда, изуродовано – обожжено все, это меня сразу и смутило.

– Убийство? – нахмурился Гуров. – Или надругательство?

– Изуродовали его после смерти, – уверенно сказал эксперт. – И умер он не от переохлаждения. Но и на убийство не похоже. Смерть не криминальная – сердце у него не выдержало. Слабое было, хотя мужик и крепкий.

– И в чем тогда дело? – нетерпеливо спросил Лев.

– Да в том, что не похож он на бомжа! Более того, это вообще не бомж! Во всяком случае, если и стал им, то несколько дней назад. Во-первых, у человека абсолютно здоровые внутренние органы, за исключением упомянутого слабого сердца. А остальное – почки, печень, сосуды – как у младенца! Дальше. Отличные зубы – вы бы обзавидовались! Все свои, и в большинстве своем здоровые. Парочка кариозных залечена несколько лет назад, причем

пломбы на них стоят высшей пробы. И работа очень хорошего стоматолога. Уже интереснее пошло, да? – Волков с усмешкой посмотрел на Гурова, который теперь слушал очень внимательно. – Едем дальше. У мужчины отличная физическая форма, он атлетически сложен, что является результатом регулярных занятий на тренажерах. Развитая мускулатура, загар из солярия... Кожа ухоженная, волосы тоже, на них даже слабый запах парфюма сохранился. Причем парфюм о-очень дорогой, иначе давно бы выветрился. Вам часто такие бомжи попадаются? Но и это еще не все! На фоне вышесказанного особенно странным выглядит ветхое тряпье, которое было наброшено на мужчину, а также его состояние. Во-первых, организм крайне истощен и обезвожен. То есть несчастному несколько дней приходилось обходиться без воды и пищи. Во-вторых, на теле имеются следы, свидетельствующие о том, что человек был подвергнут пыткам. На теле имеются раны от ожогов, следы выглядят так, будто к нему прижимали раскаленные металлические предметы. Имеются также раны от колющих предметов. Под ногтями – ногти, кстати, отполированы и, до того как мужчина попал в переplet, выглядели очень ухоженными, – так вот, под ногтями тоже кровоточащие следы, как будто под них загоняли иглы. Также имеются характерные следы в области плеч... Я не страдаю излишней фантазией, но меня они наводят на мысль, что ему пришлось висеть на чем-то, напоминающем дыбу. И в заключение – на ногах мужчины следы от колодок. В общем, бедолаге пришлось изрядно помучиться перед смертью, – со вздохом заключил судмедэксперт.

После его слов в кабинете не меньше минуты висела тягостная тишина. Гуров и Орлов, многое повидавшие на своем веку, находились под сильным впечатлением. Лев первым взял себя в руки, «включив» сыщика-профессионала.

– Насколько я понимаю, – глуховатым голосом заговорил он, – мужчину держали где-то в качестве пленника.

– Или заложника, – предположил Орлов.

– Если заложника, то зачем пытаться? – возразил Лев. – Кстати, а где нашли тело?

– В Битцевском лесопарке.

– Странно, там ведь его легко можно обнаружить. Почему не спрятали, не закопали, если изуродовали лицо? В том же лесу вырой яму поглубже – и сто лет никто не найдет! А его чуть ли не к трассе подбросили! Хотели, чтобы обнаружили? Но зачем? Ведь это преступление, скорее всего, организованное, то есть за ним стоит, выражаясь юридическим языком, преступная группировка. Они же сами себя подставляют таким образом под удар!

– Лева, если ты ждешь ответа на этот вопрос от меня, скажу прямо – я его не знаю, – отозвался Орлов.

– Нет, я просто пытаюсь рассуждать вслух. А когда наступила смерть? – обратился Гуров к Волкову.

– Примерно неделю назад, – ответил судмедэксперт. – Только ради бога, не спрашивайте меня, где его держали и в каком качестве! Наши разыскники порой грешат подобными вопросами. Так вот, этого я не знаю. Я вам рассказал абсолютно все, что выяснил, и это же все отразил в заключении. – Он положил на стол Орлова лист бумаги. – Просто случай нехарактерный, вот я и пришел сам.

– Понятно, спасибо, – кивнул Гуров, беря заключение в руки. – Я позвоню, если возникнут вопросы. Не разыскного характера, – невесело усмехнувшись, добавил он.

После того как судмедэксперт ушел, Гуров и Орлов обменялись мрачными взглядами.

– Я так понимаю, это теперь мое дело? – медленно спросил Лев. – Значит, дело Любимова отставить в сторону?

– Лева, – не отрывая взгляда от его лица, тихо проговорил Орлов. – А тебе не приходило в голову, что дело Любимова сливается с этим таким вот неожиданным способом?

– Ты думаешь, что... – побледнел Лев. – Да нет, не может быть! – Он вскочил со стула и заходил по кабинету.

– Почему? – негромко спросил Орлов. – Мы же уже выяснили, что в Доминикану Любимов не полетел. А вот где он был, нам и предстоит узнать. И почему принял такую ужасную смерть... Чтобы не гадать, нужно установить личность убитого. Я намереваюсь вызвать Плисецкого. В конце концов, он кашу заварил – пусть и помогает расхлебывать.

– Не надо, я сам позвоню, – произнес Гуров, доставая из кармана сотовый телефон.

– Что? Труп? Изуродованный? Господи! Кошмар какой! Этого не может быть! – Поток слов Плисецкого был настолько эмоционален, что был услышан даже Орловым. – Почему вы решили, что это Роман?! Это невозможно! Этого не может быть!

– Леонид Максимович, вот вы нам и помогите. Приезжайте, пожалуйста, в морг на опознание, я вас там встречу.

– Что?! В морг? Вы с ума сошли! Я... Я не могу! – истерически выкрикнул Плисецкий.

– Но почему? – удивленно проговорил Лев.

– Потому что это... Это... Я не перенесу! Я вообще с детства отличаюсь повышенной впечатлительностью! Я в обморок падал, когда у меня кровь из пальца брали! – зачастил Плисецкий. – Нет-нет-нет! Ни в коем случае! А если это на самом деле Роман? Я же не переживу такого!

– Да что уж вы так сокрушаетесь-то, Леонид Максимович! – укорил его Гуров. – Будьте, в конце концов, мужчиной! Иначе нам придется вызывать для опознания родителей Романа, – на всякий случай приберег он аргумент, который должен был стать для Плисецкого убедительным.

Действительно, Леонид Максимович тут же принялся говорить, что подобного ни в коем случае допустить нельзя, но и сам наотрез отказался принимать участие в опознании. Толку от него было, как от козла молока, и Гуров уже начал злиться, решив, что махнет рукой на все «эквивоки» и вызовет отца Любимова.

– Нужен какой-то человек с более крепкими нервами! – тем временем высказал пожелание Плисецкий.

– Да? Может быть, подскажете, где такого найти? – съязвил Лев. – Был бы вам крайне признателен.

Однако Плисецкий воспринял его слова буквально и сразу же принялся бормотать:

– Подождите, подождите... Может быть, секретаршу попросить?

– А что, ваша секретарша так хорошо знает своего шефа, что может опознать его без одежды? – продолжал язвить Гуров.

– А вы полагаете, что я могу узнать его без одежды? – ахнул Плисецкий. – Вы на что намекаете?

– Извините, просто вы, я думаю, гораздо больше времени проводили вместе. К тому же ездили вместе отдыхать на Ибицу. Ну и вообще, по общим признакам – волосам, телосложению, рукам...

– Нет-нет, насчет меня и речи быть не может! – снова открестился Плисецкий. – Пойдите, я, кажется, придумал! А что если попросить Антона Семеновича?

– Это кто?

– Это врач из нашего центра, Роман у него наблюдался! Уж он-то должен знать его тело вдоль и поперек, он же его регулярно осматривал! Измерял рост, вес, еще какие-то параметры – я не в курсе, я сам не занимаюсь на тренажерах.

– Что ж, мысль подходящая. Привозите вашего доктора.

– Только сам я в морг не пойду! – тут же предупредил Плисецкий.

– Да ладно, ладно. Жду вас через сорок минут.

И Гуров отключил связь.

– Что ж, Лева, – произнес Орлов, – с богом!

– Ты этим что хочешь сказать? – уточнил Гуров. – Пусть это окажется не Любимов? Или наоборот?

– Честно? Не знаю, – признался Орлов. – Мне бы вообще хотелось, чтобы никакого трупа не было.

– Увы, человек предполагает, – вздохнул Лев и поднялся. – Ладно, я поехал. Крячко появится – пусть мне позвонит.

– Сначала пусть мне на глаза попадется! – ворчливо добавил генерал.

Глава 5

Погода была пасмурной, под стать ситуации. Солнце, несколько дней назад уверенно возвестившее скорый приход весны, сегодня скрылось за тяжелыми мрачными тучами, затянувшими все пространство густой туманной пеленой. Непрозрачный воздух казался ватным. С неба накрапывала какая-то морось.

Гуров сидел в машине, и выходить из нее ему совсем не хотелось. Однако спустя пару минут к воротам морга подъехал автомобиль Плисецкого. Из него вышел незнакомый Гурову мужчина лет сорока пяти, с густой кудрявой шевелюрой на непокрытой голове. Он был высок и широк в плечах.

Плисецкий боязливо высунул нос через наполовину опущенное стекло и тут же произнес в напоминание:

– Только я в машине посижу. Меня уже что-то подташнивает.

В других обстоятельствах Гуров охотно съязвил бы на этот счет, поскольку Плисецкий начал его раздражать своей повышенной чувствительностью, но в данной ситуации он лишь молча кивнул и повернулся к высокому мужчине.

– Молодцов, – проговорил тот, протягивая Гурову крупную ладонь для приветствия.

– Полковник Гуров, – представился Лев. – Пойдемте!

– Господи, только бы это был не Роман! – вскинув руки и глаза к небу, взмолился Плисецкий.

Гуров с Молодцовым прошли внутрь через серую стальную дверь и оказались в узком коридоре. Первым делом Гуров, хорошо знакомый практически со всеми моргами Москвы, даже относящимися к другим округам, заглянул в комнату, где обычно собирался персонал морга в перерывах между своей незавидной работой. Там находился и судмедэксперт Волков.

– А, приехали, – кивнул он. – Быстро вы. – И вопросительно посмотрел на Молодцова, пытаюсь определить, кем он может приходиться покойному.

– Это, Виктор Палыч, ваш, можно сказать, коллега, – представил его Гуров.

– Я – лечащий врач Романа Любимова, – пояснил Молодцов.

– Лечащий? – заинтересовался Волков. – А по какому заболеванию он у вас наблюдался?

– Давайте пока говорить о Романа Витальевиче в настоящем времени, – чуть скривившись, твердо попросил Молодцов. – С вашего позволения, я взгляну на тело? Возможно, тогда все ваши вопросы окажутся излишними.

– Да на здоровье, – пожал плечами Волков. – Пойдемте.

Все трое прошли по коридору в комнату, где в специальных выдвижных блоках хранились тела. Судмедэксперт уверенно подошел к одному из них, одним движением выдвинул блок и отдернул простыню. Молодцов побледнел.

«Даже человек его профессии остается беззащитным перед видом смерти, – подумал Лев. – Но узнал ли он его?»

– Вы узнаете этого человека? – вслух спросил он.

Молодцов овладел собой, сделал шаг вперед, склонился и стал пристально всматриваться в покойного. Причем взгляд его больше скользил по телу, а не по лицу.

– Это он, – выпрямившись, проговорил он и отвернулся в сторону. – Роман Витальевич... Только почему он в таком виде? Я не ожидал ничего подобного, Леонид Максимович меня не предупредил...

– Следствие пока не может сказать ничего конкретного, Антон Семенович, – произнес Гуров, – но есть основания полагать, что Романа Витальевича удерживали где-то силой без воды и пищи, кроме того, к нему были применены пытки.

– Кошмар какой! – ошарашенно проговорил врач. – Но как? Кто удерживал? Почему пытки?

– Следствие ведется, – кратко бросил Лев, протягивая Молодцову документы на подпись. Тот машинально расписался там, где было указано, и снова спросил:

– А где же его... нашли?

– В Битцевском лесопарке. Пойдемте. Спасибо большое, Антон Семенович, за помощь, мы вас больше не задерживаем.

– Пойдите минутку! – вмешался Волков. – У меня к вам, как к коллеге, есть пара вопросов.

– Конечно, слушаю! – с готовностью кивнул Молодцов. – Наверное, вы хотите спросить насчет состояния здоровья Романа Витальевича? Здоровье у него было отличным, за исключением слабого сердца.

– Ага, значит, диагноз все-таки был поставлен?

– Конечно, а как же! Он же наблюдался у меня. В карте есть все показатели, все анализы. Кардиограмму мы делали регулярно.

– То есть Роман Любимов знал, что у него большое сердце? – вмешался в разговор Гуров.

– Да, конечно. Я не мог от него это скрывать!

– Дело в том, Антон Семенович, что Роман Любимов умер от остановки сердца, не выдержавшего нагрузок. Все эти пытки в совокупности с отсутствием еды и пищи его убили.

– Так это неудивительно! – воскликнул Молодцов. – Ему противопоказаны были не то что пытки – господи, какую чушь я сказал! – схватился он за голову. – Это все от... от растерянности. Я в страшном сне не мог себе такого представить. Я имел в виду, что ему противопоказаны были любые стрессы! А уж плен, пытки, голод – уму непостижимо! Тут здоровый-то человек не выдержит! А когда вообще все это с ним приключилось? – спросил он судмедэксперта.

Волков посмотрел на Гурова, и тот ответил за него:

– Смерть наступила около недели назад, если вы об этом.

– Как? Не может быть! Неделю назад он был в Доминикане!

– Я не знаю, где он был неделю назад, – снисходительно произнес эксперт, – но то, что именно тогда он умер, сомнению не подлежит. Или вы желаете сами убедиться? – усмехнулся он.

– Да нет, что вы, я вам доверяю, – смутился Молодцов. – Просто как же это объяснить?

– А это уже по части Льва Ивановича, – кивнул на Гурова Волков и обратился к нему: – Ну что? Можно закрывать?

– Да, спасибо, – ответил Лев, и они с Молодцовым вышли на улицу и направились к машине, в которой их ждал Плисецкий. При приближении Гурова и Молодцова он приоткрыл дверцу и высунулся наружу. Наверное, по лицам обоих все было ясно, потому что Плисецкий натурально побледнел и схватился рукой за сердце.

Гуров невольно поморщился и подумал: «Ну что же он так переигрывает? К чему эта театральщина?»

– Что? – шепотом спросил Плисецкий.

Лев промолчал, а Молодцов подошел к своему шефу и, положив руку ему на плечо, мягко сказал:

– Поедемте, Леонид Максимович. Крепитесь.

Глаза Плисецкого вдруг стали закатываться кверху, а сам он медленно начал заваливаться назад.

– Ох, е! – невольно воскликнул Молодцов, профессиональным движением успевая подхватить Леонида Максимовича и осторожно прислонить к спинке сиденья.

Затем быстро взял в машине аптечку, достал из нее пару каких-то пузырьков, один из которых поднес к носу Плисецкого, а из второго извлек большую круглую таблетку и ловко сунул ему под язык.

Гуров не спешил помогать, потому что, во-первых, думал, что Молодцов и сам прекрасно справится, а во-вторых, потому что не верил в натуральность обморока Плисецкого. Подозрения, высказанные Крячко, стали передаваться и ему, чем больше он наблюдал за поведением Плисецкого.

– Ну вот, так-то лучше, – удовлетворенно проговорил Молодцов, легонько хлопая того по начавшей розоветь щеке. – Посидите немного, Леонид Максимович, придите в чувство. Сейчас лекарство быстро поможет.

Он оставил Плисецкого на сиденье, а сам подошел к Гурову.

– Ну, и что это за спектакль? – хмуро спросил Лев. – Зачем вы делаете вид, что верите ему? Из профессиональной этики?

– Профессиональная медицинская этика, Лев Иванович, не предполагает потакания симулянтам, – ответил тот.

– Вы хотите сказать, у него настоящий обморок? – удивленно поднял брови Гуров.

– Самый что ни на есть, – заверил его Молодцов.

– Странно. Потеряв друга и компаньона, человек, конечно, может сильно расстроиться, но не терять при этом сознание, как кисейная барышня!

– Ну, у Леонида Максимовича вообще очень чувствительная нервная система, – пояснил доктор. – Он нервен, легкораним, впечатлителен. Это называется...

– Так, а вопрос задать нашему легкоранимому можно? – решительно спросил Гуров, не желавший тратить время на возню с хрупкой телесной и душевной организацией Плисецкого.

– Да, только желательно не сильно травмирующий, – ответил Молодцов и, усмехнувшись, добавил: – Вы же не хотите, чтобы он грохнулся прямо на асфальт!

Гуров совсем этого не хотел, поэтому, подойдя к Плисецкому, спросил нейтральным тоном:

– Дайте мне телефон и адрес родителей Романа Любимова.

– Вы хотите... – испуганно посмотрел тот на него.

– А вы хотите сами? Пожалуйста! – пожал плечами Лев и, услышав в ответ «что вы, ни за что, я не смогу», записал данные, продиктованные Плисецким.

Понимая, что сейчас вести дальнейшие расспросы бесполезно, и решив дать время Плисецкому, чтобы собраться с мыслями, он простился с ним, наказав быть на связи. Плисецкий вяло кивнул. Гурова порадовало, что место за рулем занял Молодцов, и он с чистой совестью отправился в Управление.

– Ну что, Петр, нашелся наш потерянный Любимов, – проговорил Гуров, войдя в кабинет генерал-лейтенанта Орлова. – Так что просьба Плисецкого, можно сказать, выполнена. Только я почему-то не чувствую удовлетворения от выполнения задания. Не знаешь, почему?

– Лева, не юродствуй, пожалуйста, – болезненно скривившись, попросил Орлов. – И так тошно! Теперь у нас не пропажа человека, а убийство! Причем дело официальное.

– Да, к тому же слишком уже многое тут завязалось на нас, – отозвался Лев. – Да и... – Не закончив фразу, он замолчал.

– Буров? – внимательно посмотрев на него, спросил Орлов.

Гуров кивнул.

– Я только недавно ознакомился с материалами по нему.

– Да, помню, ты, кажется, хотел чем-то поделиться?

– Теперь это уже не имеет значения! – махнул рукой Лев. – Обстоятельства изменились, и у нас новый вектор в работе. Буров Буровым, но теперь в первую очередь нужно устанавливать, куда направился Любимов, если не в Доминикану, и почему он всех ввел в заблуждение. Или он действительно собирался в Доминикану, но не успел, и его кто-то перехватил? Меня во всем этом очень смущает то, что предшествовало его смерти! Кто мог его насильно удерживать, где? И главное, почему? Что у него хотели узнать, зачем пытали? И раз убили, значит, выпытали? Или не успели? Целая куча вопросов!

– Нужно просмотреть все сводки, – сказал Орлов, – не было ли где похожих случаев. В смысле, похожих трупов. Это хорошо, Волков такой сознательный попался, нам сообщил, а другой мог бы и рукой махнуть. Причина смерти-то не криминальная! Подумаешь, сердце! И внешне на бомжа смахивает.

– Не думаю, что будут похожие трупы! Интересно, какой такой информацией обладает круг людей, что ее нужно в буквальном смысле выдирать клещами?

– А если это не информация? – предположил Орлов.

– А что? Имущество? Надо быть совсем больным на голову, чтобы вот так похитить уважаемого человека, сына влиятельного лица, пытками заставить отписать имущество, а потом явиться и захватить его якобы на законных основаниях! – в сердцах произнес Гуров. – Да еще и труп Любимова подкинуть!

– Да, мотив неясен, – задумчиво проговорил Орлов. – Кстати, насчет влиятельного отца. Родителям сообщил?

– Как раз собираюсь. Не сейчас, конечно, когда он в шоке. Но поговорить нужно обязательно! Вдруг Роман делился с родителями своими планами? Может быть, он чего-то боялся и хотел удрать, поэтому и говорил всем про Доминикану, а на самом деле собирался совсем в другое место, но его перехватили... Надо бы и в центре об этом расспросить – вдруг кто-то что-нибудь слышал хотя бы краем уха... Вот где талант Крячко по сплетням пригодится! Кстати, где он?

– Талант? – съехидничал Орлов.

– Кончай, Петр! Крячко где?

– А хрен его знает, где его черти носят! – вдруг рявкнул Орлов. – Так и не появился с утра!

– Ничего себе! А телефон? Или ты из гордости ему не звонил?

– Какая гордость? – начал закипать Орлов. – Я вообще-то начальник его, чтобы перед ним обиженного разыгрывать. Отключен у него телефон! Поди, свидание затяжное получилось! Отсыпается в новом гнездышке! Я вот Наталье позвоню – она ему устроит!

– Это точно, – засмеялся Гуров, представив реакцию жены Крячко на такое «служебное задание». – Ладно, я пойду. Если дозвонюсь до него, pošлю к тебе.

– Пошли его знаешь куда? – снова завелся Орлов.

– Ну, туда он всегда успеет, – усмехнулся Лев и вышел из кабинета.

Вернувшись к себе, он совершил одну из самых малоприятных миссий своей работы: сообщил родителям убитого Романа Любимова о смерти сына. Миссия прошла со всеми сопутствующими ситуации тягостными моментами, но все же Гурову удалось договориться с отцом Романа, Виталием Евгеньевичем, о встрече на сегодняшней вечер у него дома.

Крячко появился к середине дня и был крайне удивлен тем, что его заждались. Он сообщил, что вчерашняя встреча с Кругловой не состоялась, и он напрасно прождал «эту дуру» битый час, пока она, наконец, не перезвонила и не сообщила, что застряла в лифте, а дозвониться раньше не могла, потому что телефон в лифте «не ловил». Но потом неожиданно сработало, она уже вызвала лифтера, и он обещал прийти «ну в самое ближайшее время». Как только ее освободят из заточения, она тут же приедет.

Крячко подобная перспектива никак не улыбалась, и он тут же перенес встречу на сегодняшнее утро.

– Ну и как? – спросил Лев. – Встреча-то хоть полезной оказалась?

– А-а-а! – махнул рукой Крячко. – Пустьшка! Она вообще была на симпозиуме три недели, только позавчера вернулась. А в «Гармонии» не появлялась с начала зимы – сразу после того скандала. Я уж так и так крутил-вертел, пытался на тот скандал ее вывести, но она о нем, кажется, и думать забыла. Как и о Любимове. Так что к его исчезновению точно не причастна.

– Исчезновению... – вздохнул Гуров. – Да нет, теперь речь идет уже не об исчезновении...

И он рассказал Крячко об обнаруженном трупе.

– Значит, все-таки убили голубчика, – заметил тот.

– Официально он умер от остановки сердца.

– Угу. А измордовали его всего – это как?

– Версии есть? – вместо ответа спросил Гуров.

– Новых нет.

– Значит, по-прежнему Плисецкого подозреваешь? А он вот пропал, между прочим!

И мне что-то беспокойно по этому поводу...

Гуров еще несколько раз набирал номер Плисецкого, но тот по-прежнему не отвечал. Наконец полковник не выдержал и позвонил в спортивно-развлекательный центр «Гармония», где услышал от секретарши, что Леонид Максимович приезжал, сообщил о смерти Романа Витальевича, был в очень плохом душевном состоянии, после чего закрылся в своем кабинете. Где-то минут через сорок он вышел и сказал, что уезжает на важную встречу, при этом очень волновался. Обещал приехать через час, однако до сих пор не вернулся.

Гуров посмотрел на часы. Времени было уже половина шестого. Все это ему совершенно не нравилось. Куда мог деться Плисецкий?

– Да ладно тебе, – сказал Крячко. – Ну, расстроился мужик и поехал домой! Выпил, может, с горя...

– Домой, говоришь? – задумчиво переспросил Лев. – Слушай, Стас, давай-ка, дуй к нему домой. Но не звони! Езжай прямо туда. Если даже Плисецкого нет, поговоришь с его женой. Думаю, тебе не надо объяснять, что у нас есть к ней вопросы?

– Не надо, я сам знаю, как с ней разговаривать. – Крячко поднялся и пошел к двери.

– Смотри только, до завтра там не пропади! – вдогонку бросил ему Гуров.

В ответ Крячко хлопнул дверью. Гуров же набрал номер Виталия Евгеньевича Любимова и услышал, что тот ждет его. Убрав документы, он вышел из Управления и поехал в Кунцево, где жил Любимов-старший.

Виталий Евгеньевич Любимов оказался высоким поджарым мужчиной с хорошо сохранившимися темными волосами, кое-где убеленными сединой. Наверное, для своих лет – а ему должно быть за шестьдесят – он выглядел очень хорошо, но сегодняшнее трагическое известие о гибели сына не могло не наложить свой отпечаток: под глазами набрякли мешки (видимо, подскочило давление), щеки как-то безвольно обвисли, а в глазах застыла тоска, которая свойственна порой очень пожилым людям, чувствующим приближение смерти и совсем не готовым ее принять. Кроме того, от него исходил сильный запах лекарств.

Он сам протянул руку Гурову для пожатия, после чего пригласил пройти на второй этаж. Когда они поднимались по лестнице, снизу их окликнул женский голос:

– Виталий, кто это?

– Лена, это... это господин полковник из МВД, я тебе говорил, – обернувшись, проговорил Любимов-старший. – Зачем ты встала?

Гуров увидел женщину – по всей видимости, жену Любимова. Она была явно моложе его, хотя и не на целое поколение, и удачно сохранила в своем возрасте следы былой привлекательности. Хотя так же, как и супруг, пострадала от полученной сегодня вестии. Красивые серые глаза ее были подернуты каким-то туманом, голос звучал словно издали, да и на ногах жен-

щина держалась нетвердо, из чего Гуров сделал вывод, что ее накачали транквилизаторами, чтобы хоть как-то успокоить.

– Я подумала, может быть, я понадоблюсь, – проговорила женщина. – Со мной же, наверное, тоже захотят побеседовать?

Виталий Евгеньевич нахмурился и приготовился уже возразить, но вместо него ответил Гуров:

– Отдыхайте, я не стану вас беспокоить.

– Мне не беспокойно. Если я смогу помочь найти того, кто убил моего сына! А я знаю! Знаю! Это все она, она! Наталья! Злобная, завистливая, она всегда его ненавидела!

С каждой фразой голос женщины поднимался все выше. Любимов-старший пробормотал про себя ругательство и кинулся к жене. Обхватив ее за плечи, он мягко, но настойчиво стал теснить ее в сторону комнаты, приговаривая на ходу:

– Тома, Тома, успокойся! Полковник Гуров во всем разберется, я созванивался, это лучший следователь Москвы! Пойдем, пойдем, дорогая, тебе пора принимать лекарство. Не терзай себя, скоро все выяснится!

Гуров видел, как Любимов, проходя мимо туалетного столика в холле, взял с него шприц и вместе с женой скрылся в одной из комнат. Идя за мужем, Тамара продолжала выкрикивать какие-то фразы, но постепенно успокаивалась, а после того как закрылась с ним в комнате, и вовсе затихла. Следом появился и он сам. Швырнув шприц в мусорную корзину, подошел к Гурову и отрывисто произнес:

– Прошу прощения. Моя жена в шоке. Пойдемте.

Лев последовал за ним в комнату, которая, видимо, была предназначена именно для деловых бесед и больше напоминала кабинет.

Любимов опустился в одно из кожаных кресел, предложив Гурову занять точно такое же, взял со стола пачку дорогих сигарет, щелкнув зажигалкой, затянулся и тут же закашлялся.

– Шесть лет не курил, – качая головой, проговорил он. – А тут... Не знаешь, чем горе забить...

Лев обратил внимание, что на столе стояла бутылка коньяка, опустошенная примерно наполовину. При этом Виталий Евгеньевич совершенно не был пьян: алкоголь, что называется, не брал его, как бывает при сильном стрессе. Он вообще старался держаться спокойно и твердо, но огромная, тщательно скрываемая боль в глазах говорила о том, насколько тяжело дается ему беседа с посторонним человеком.

– Я знаю, Роман был вашим единственным сыном, – заговорил Гуров. – Понимаю ваше горе, но наша беседа необходима как раз для того, чтобы найти его убийцу.

Любимов открыл было рот, но ничего не стал говорить, только кивнул. Затем наполнил рюмку коньяком и вопросительно посмотрел на Гурова. Из солидарности полковник согласился пригубить, хотя практически никогда не пил даже немного, находясь за рулем.

– Скажите, когда вы в последний раз общались со своим сыном? – начал он расспрашивать хозяина дома.

Виталий Евгеньевич ответил, что это было три недели назад, буквально перед отъездом. По его словам, сын находился в хорошем расположении духа, при этом словно в ожидании чего-то.

– Он был в радостно-тревожном ожидании, – так и выразился Любимов.

– Что вы имеете в виду? – не понял Гуров.

– Было ощущение, что ему и радостно, и страшно одновременно, – пояснил тот. – Знаете, как перед прыжком в прорубь, например. Или с парашютом. Когда сердце замирает в предчувствии и хочется одновременно и поскорее испытать восторг, и замедлить прыжок, потому что организму инстинктивно страшно. Вы прыгали с парашютом?

– Доводилось, – кивнул Лев.

– Тогда вы поймете, что я хочу сказать.

– Да, думаю, что понимаю. А ваш сын прыгал с парашютом?

– Семь раз, – не без гордости ответил Виталий Евгеньевич. – Знаете, он рос довольно болезненным ребенком и всю последующую жизнь пытался изжить этот комплекс. Очень работал над собой, очень! Старался воспитать железную волю.

– Но он всего лишь собирался ехать отдыхать в Доминикану, – напомнил Гуров. – Место вполне спокойное, не о чем волноваться, да и парашютный спорт там не развит.

– Да, и это мне показалось удивительным. Удивительным и непонятным. Я даже подумал, что он, может быть, решил, наконец, жениться? Тогда все было бы объяснимо: мы все немного боимся у дверей загса. – Любимов слегка улыбнулся, и Гуров поддержал его. – Но Рома ничего не рассказывал ни о каких девушках. Он вообще никогда не распространялся о своей личной жизни – в этом плане был очень закрытым. Только пошутил перед отъездом: «Еду лечиться от скуки». Так и сказал. Я тогда не обратил внимания на эти слова, но сейчас они мне кажутся немного странными. Рома ведь весь мир объездил, но никогда не употреблял подобных выражений!

– Хм, я слышал, что у него было депрессивное настроение, но потом он вроде бы воспрянул, – кивнул Лев. – Я подумал, не могло ли это быть связано с проблемами в бизнесе?

– Проблемы в бизнесе? – нахмурился Виталий Евгеньевич. – Впервые слышу. Насколько мне известно, в бизнесе у них все шло хорошо.

– А вы знакомы с Леонидом Плисецким?

– С Лешей? Конечно. Они с Ромой с юности неразлейвода.

– Странно, а Леонид Максимович утверждал, что их связывают исключительно деловые отношения.

На это Любимов ответил, что Плисецкий, скорее всего, таким образом не хотел вдаваться в подробности личной жизни Романа. Что же касается самой личной жизни, если она и была, то, как уже говорилось, Роман о ней не распространялся. Не создав семью в свое время, он никого из девушек не приводил в родительский дом в качестве невесты. Мать еще хранила надежду, что сын женится и подарит им внуков, а сам Виталий Евгеньевич склонялся к мысли, что этого, увы, не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.